

ПРАВОСЛАВНАЯ ОСЕТИЯ • №1 (4) 2015
Чырыстон

ИР

Журнал Владикавказской и Аланской епархии

**Миф и история в осетинской
духовной традиции**

**Традиционный календарь осетин
как наследие аланского Православия**

70 лет Победы

СОДЕРЖАНИЕ

	Колонка главного редактора
6	Интервью
	Тамир Салбиев. Миф и история в осетинской духовной традиции
13	Наши дни
	Феликс Киреев. Из истории храма святой равноапостольной Нины
16	Культура
	Лариса Цахилова. Выставка «Безмолвная проповедь»
	Таймураз Айларов. О творчестве скульптора Лазаря Гадаева
24	Праздники
	Православный женский день
30	Этнология
	Михаил Мамиев. Традиционный календарь осетин как наследие аланского Православия
36	Искусство
	Вадим Каджаев. В первую очередь интересны сами люди
42	Просто о жизни
	Фатима Дзугоева. Соль земли
46	Литература
	Лаура Мамиева. К. С. Льюис. Сказка
50	Райгуырагн багъæ
	Туальское общество (Туалгом)
	Сто лет спустя
54	70 лет Победы

1 страница обложки:
с. Дзивгис. Церковь Св. Георгия (Дзвгъгисы дзуар)
4 страница обложки:
Фрагмент росписи. Армаз. Церковь Св. Георгия.

Адрес редакции:
362003, Россия, Республика Северная Осетия-Алания,
г. Владикавказ, ул. Барбашова, 38
Телефон: 8 8672 25 36 43
email: info@blagos.ru

Издание подготовлено при поддержке
международного открытого грантового
конкурса «Православная инициатива»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ15-00112
от 30 декабря 2014 года.

Одобрено Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство о присвоении грифа № 294
от 01 июня 2015 года.

Учредитель и издатель:
Владикавказская и Аланская епархия
Перепечатка любых материалов без письменного согласия издателя
запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Архиепископ Владикавказский и Аланский ЗОСИМА
Шеф-редактор
Лаура Мамиева
Ответственный секретарь
Петр Павлов
Дизайн, верстка
Залина Дзампаева, Эдуард Дзуцев
Фото
Оллана Айларова, Феликс Киреев, Руслан Макиев, Михаил Мамиев

Выражаем благодарность председателю Союза художников Республики Северная Осетия-Алания Т. Г. Маргиеву за оказанную поддержку. Особую благодарность за предоставленные фотоматериалы выражаем заслуженному художнику Российской Федерации М. Ф. Джикаеву.

Дорогие читатели!

Литургия — это важнейшее христианское богослужение, установленное Самим Иисусом Христом. Господь, посылая учеников Своих, сказал: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам» (Мф. 28:19-20). И святые апостолы пошли в разные страны, к разным народам, которые жили далеко друг от друга, придерживались совершенно разных обычаев, говорили на разных языках. Христианство всегда впитывает культуру того или иного народа, не отвергая ее. Каждый народ принимается Церковью со своим языком, менталитетом, обычаями, традициями, и все этожитое в веках исконное культурное достояние сохраняется и облагораживается внутри Православной Церкви.

Поэтому и проповедь должна быть на родном, понятном языке. Большинство прихожан у нас осетиноязычные, и я вижу, как оживают их лица и души, когда они слышат на богослужении родную речь, — а ведь именно это и необходимо в жизни нашей Церкви. Если слово о Христе возвещается на родном языке, который пронизывает всю культуру твоего народа, то оно становится понятным и близким; тогда Христа невозможно не полюбить, а полюбив Христа, мы непременно придем к христианской вере.

С любовью ищущие Бога обязательно придут ко Христу. Господь сказал: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин. 14:21). Смысл этих слов таков, что нужно с любовью искать истину, и она обязательно откроется. И, конечно, искать истину проще и благодатнее на родном языке.

Литургия есть присутствие Живого Бога на земле. И если она будет звучать на родном языке, то многие из тех, кто еще не знает Христа, кто не знает Бога, обретут Его и останутся в Церкви навсегда. Я говорю о всем нашем народе, не разделяя его на север и на юг. Богослужение на родном языке должно звучать по всей нашей богоспасаемой Осетии.

И еще хочу поздравить вас, мои дорогие, с очень важным для всей нашей огромной страны юбилеем — годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Русский философ Владимир Соловьев писал, что все святые — воины или монахи. Действительно, в нашей истории очень много воинов, которые принадлежали Церкви и вместе с тем до последней капли крови защищали Отечество. Потому что защищать нашу веру и Родину мы обязаны. Можно сколько угодно разглагольствовать о том, что грех брать в руки оружие, но жизнь есть жизнь. Мир, в котором мы живем, далек от христианской веры, отнюдь не все к нам дружелюбно относятся, и если нас хотят захватить, необходимо давать отпор. Поэтому Церковь и призывает народ к защите Отечества.

Мы помним, как в самом начале войны, при полном молчании руководителя страны, именно Русская Православная Церковь, несмотря на многолетние гонения со стороны советского государства, уже 22 июня 1941 года устами Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия благословила народ на священную борьбу с захватчиками. История нас научила: Бог не в силе, а в правде. А сколько фронтовиков, вернувшись, стали священниками? Я многих из них застал — мудрых старцев, уверовавших в Бога на этой великой войне.

Все знают и об огромном вкладе нашей маленькой Осетии в дело Победы — одной на всех. Память человеческая коротка, но, думаю, и наши дети, и внуки будут свято хранить этот подвиг в своей памяти, потому что за мир заплачено великой ценой — морем крови, страданий и слез.

С Великой Победой! Никто и ничто не должно быть забыто!

Архиепископ
Владикавказский и Аланский Зосима

*Сердечно поздравляем
Высокопреосвященнейшего
Зосиму, Архиепископа
Владикавказского и Аланского,
главного редактора журнала
«Мыростон Ир», с 65-летием
со дня рождения. Многая и
благая лета, дорогой Владыка!
Ис попла эти, Деспота!*

МИФ И ИСТОРИЯ В ОСЕТИНСКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

За недолгий период существования Владикавказской и Аланской епархии сделано уже немало, но предстоит сделать еще больше. Одна из основных задач, которые Церковь для себя обозначила, — возрождение аланской богослужебной традиции. Ведется большая работа по переводу богослужебных книг. В конце 2014 года в старейшем храме Владикавказа — Осетинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы — по благословению и в присутствии архиепископа Зосимы была совершена, впервые за сто лет, Божественная литургия на осетинском языке. Это радостное и долгожданное событие явилось поводом и отправной точкой для нашей беседы с культурологом, знатоком, исследователем осетинской традиции, кандидатом филологических наук Тамерланом Казбековичем САЛБИЕВЫМ.

— Какое значение, на Ваш взгляд, имеет это событие для осетинской культуры?

— Фактически это означает возрождение аланского Православия. Дошедшие до нас памятники аланского письма и другие письменные источники указывают на то, что в церковном богослужении алан использовался также их родной язык, так что оно не было чисто греческим. Для христианства характерно, что проповедь произносится на понятном для паствы языке, на местном наречии. И родной язык, взаимодействуя в данном случае с греческим (а в Западной Европе — с латынью), обогащается, развивается, наполняется не только религиозной лексикой, но и религиозно-философским содержанием, осваивает новые для себя коммуникативные сферы.

— А помимо языка?

— А помимо языка, совершение Литургии — это, безусловно, событие большого культурно-исторического значения, я бы сказал, эпохального масштаба. Не секрет, что сейчас предпринимаются попытки рассматривать осетинскую религиозную традицию в отрыве от христианства, ввергая ее в глубокую архаику.

с. Даргавс, кувд возле башни Байматовых. Фото начала XX века

А ведь именно христианство способствовало в свое время переходу Алании к средневековой культуре, к созданию централизованного государства и формированию новых общественных отношений. Это был тот этап нашей истории, на который мы до сих пор опираемся. Именно поэтому и переводческую деятельность Церкви, и воссоздание осетинского богослужения лично я воспринимаю как нечто предопределенное. Обратите внимание, что все происходит без нажима, естественным образом. Осетинский язык хорошо ложится на церковное богослужение — это показатель того, как легко перебрасывается мостик от одной традиции к другой; и возникает обратная связь...

— То есть можно научно обосновать существование органичной связи между двумя традициями?

— Да, конечно, это уже давно и надежно обосновано работами В. Ф. Миллера, В. И. Абаева и ряда других ученых. Очевидно, что для понимания осетинской традиции христианство фактически является своеобразным ключом.

— Можно ли надеяться, что перевод литургических текстов будет способствовать сохранению осетинского языка, поможет преодолеть кризис, в котором он сегодня находится?

— Не просто сохранению. Переводной этап — это естественная необходимость развития любого языка. Вспомним, как русский язык осваивал сферы прежде ему недоступные: как Н. И. Гнедич переводил «Илиаду» Гомера, А. С. Пушкин делал переложения латинских поэтов и т. д. Когда у языка еще нет достаточных ресурсов — лексических, синтаксических и прочих, перевод обычно делается в форме парафразы, т. е. пересказа. В случае же со священными текстами неизбежно следование не только духу, но и букве оригинала. Возьмем, для примера, церковнославянский — во многом искусственный язык, который не

соответствует ни одному из славянских языков того времени, когда он возник. По своей лингвистической сути он является калькой древнегреческого. Другими словами, Кирилл и Мефодий создали искусственный язык, калькировав не только порядок слов в предложении, но и морфологическую структуру самого слова — приставки, суффиксы и т. д. Все это хорошо легло на славянские языки и стало прорывом для их дальнейшего развития.

Насколько я могу судить, в средневековую эпоху осетинский язык также осваивал сферу религии, и данный этап его развития сохранился в фольклорной традиции, которая и зафиксировала многие ключевые понятия: арфаэ, хорзаэх, ахцон, таригъаед и т. д. Все это — наследие аланского богослужебного языка. Образно говоря, мы второй раз входим в ту же реку.

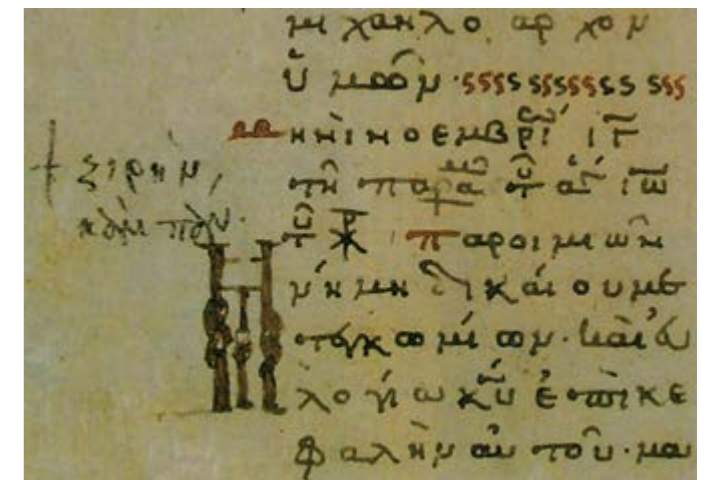
— Т. е. эти слова, по Вашему мнению, использовались в христианском богослужении в Алании?

— Да, конечно. Для примера можно обратиться к увидевшей свет в этом году работе известного индоевропеиста, профессора Лейденского университета Александра Лубоцкого, в которой он опубликовал и проанализировал заметки (маргиналии), сделанные примерно в XIV веке аланским священнослужителем на полях греческого богослужебного сборника (так называемого лекционария или профетология) на родном для него языке, то есть аланском. В маргиналиях встречается, например, слово Хуыцау 'Бог', а также очень показательное Заэринком 'Златоуст'. Это и есть пример калькирования: заэрин 'золотой', ком 'уста'. С последним словом связано целое лексико-семантическое гнездо, хорошо представленное в современной осетинской религиозной лексике: ком-баэттан 'пост', ком-уадзэн 'разговение'. В той же рукописи присутствует и лексема саркъуырды 'усекновение главы' (Иоанна Предтечи) — и опять получаем целое гнездо: ных-къуырды 'сопротивление' и др. И еще интересная лексема ист-бон 'праздник', а не баэрэгбон — слово, являющееся, скорее всего, инновацией.

— Думаю, работа профессора Лубоцкого подтверждает правильность многих сделанных ранее выводов о внутреннем смысле различных элементов традиционной осетинской обрядности, в отношении которой Вы предложили свой методический подход...

— Изучая обряд, я старался сфокусировать внимание на анализе ритуальных ролей его участников. Такой подход характерен для современного уровня изучения этого феномена. К примеру, фольклористика при

изучении обрядности рассматривает молитвословия, этнография — утварь, ритуальную пищу, церемониал, но при этом вне поля зрения оказывается главное — сам человек. Между тем именно им произносятся молитвословия, совершаются ритуальные действия,

Аланские глоссы на полях ветхозаветного текста

используется ритуальная утварь, и в итоге оказывается, что участники обряда выполняют определенные ритуальные роли, разыгрывая некую «инсценировку». Поэтому я рассматриваю обряд в этом ключе и предлагаю некоторые ранее не выдвигавшиеся решения.

Обряд имеет разные аспекты, и наиболее важный из них — содержательный. Давайте обратимся к основному традиционному обряду осетин — куывд. Относительно его содержания пока нет единого мнения — чаще всего утверждается, что это символический обмен дарами. К примеру, в обрядности, связанной с Эфсати, охотниками и собирателями что-то берется у природы и возвращается ей обратно в символической форме. Но это еще не религия, а магия, очень примитивный, архаический уровень. Несмотря на свою распространенность, такая точка зрения уже давно устарела. Более прогрессивный подход — мифологический, когда куывд объясняется через идею обновления мира. Однако и это не религия, а определенные ритуальные действия, направленные на достижение некоего результата, что тоже переключается с магией. Но в нашем случае речь идет, несомненно, о религии.

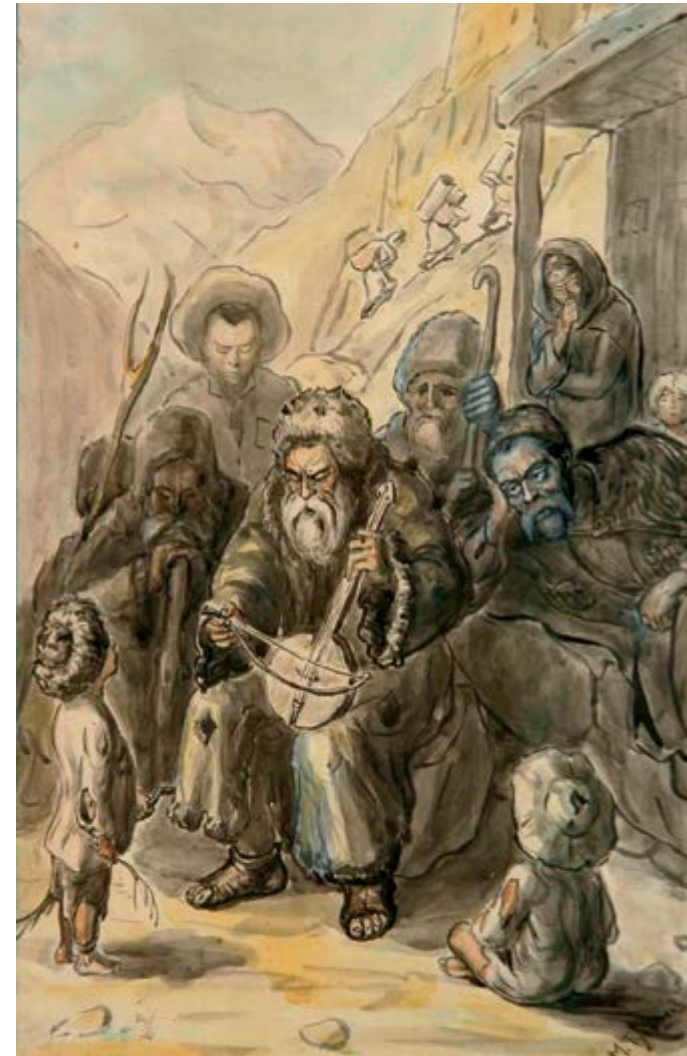
Именно христианство способствовало в свое время переходу Алании к средневековой культуре. Это был тот этап нашей истории, на который мы до сих пор опираемся.

Четкое разграничение между религией и магией было предложено в свое время крупным отечественным культурологом Ю. М. Лотманом.

Магией являются некие действия, направленные на получение желаемого результата: вышел, к примеру, молодой месяц, мы достали монету, потеряли и ждем появления денег. Но религия есть, по сути, вручение ►►

себя — что в осетинской традиции обозначается активно используемым термином хи фæдзæхсын. Это и есть основное содержание осетинского обрядового моления. Конечно, существует и архаичекский пласт, связанный с космологией и идеей обновления мира, но основное содержание — религиозное. И для того чтобы это содержание понять и раскрыть, необходимо рассмотреть его христианскую составляющую.

Думаю, что осетинская традиция — это мифологизированное народное христианство, конечно, с определенными оговорками и уточнениями. В то же

Кубады. Худ. М. Туганов

время основополагающую роль следует отвести осетинскому этническому мифу, в котором сохранилось представление об идеальном устройстве общества, восходящее к индоиранской эпохе и далее к индоевропейской древности. Этот социальный миф как основа идеологии индоевропейцев был в наиболее развернутом виде реконструирован известным французским религиоведом Жоржем Дюмезилем. Применительно к скифам его описали отечественные исследователи, такие как Д. С. Раевский и Э. А. Грантовский. Именно этот базовый миф, если пользоваться терминологией К. Леви-Стросса, можно назвать референтным для осетинской этнокультурной традиции. Он оказывает индуцирующее влияние на все сферы жизни социума,

обеспечивает тождественность традиции самой себе на различных этапах ее развития, позволяя ей изменяться без утраты самобытности и преемственности.

При принятии этого тезиса традиция раскрывается под другим углом. Приведу пример. Начиная куывд, старший произносит и младшие повторяют одну из форм обращения к Богу: «Нæ куывд Дын барст фæуæд». Обычно это переводят как 'пусть будет угоден'. Но 'угодный' в осетинском имеет другое соответствие — æхзон. А барст — это причастие от глагола барын 'прощать', т. е. принять во искупление. В этом слове заключена идея греховности и покаяния, что свидетельствует о религиозном содержании молитвенного обращения и его связи с христианством. Можно возразить, что глагол барын в осетинском языке имеет значение не только 'прощать', но и 'взвешивать'. Отвечу, что в мифологии виновность предполагает меру ответственности — вспомним, что Фемиды в греческой мифологии представляется с весами в руках.

Тогда же, начиная куывд, старший произносит еще одну просьбу-обращение к Всевышнему: «Нæ кувинæгтæ адджынаен райс» 'пусть наши подношения будут сладкими Тебе'. Ад — вкус, для его определения нужно попробовать, т. е. прийти и отведать. Это один из способов призывания Всевышнего. Существует и иная формула: «Гъæй, Иунæг Кадджын Хуыцау!» Здесь междометие гъæй присутствует для привлечения внимания: обрати Свой взор на нас, молящихся Тебе, отпусти нам наши прегрешения!

— Получается, что без использования традиционных молитвословий, которые произносятся, в первую очередь, при освящении трех пирогов, за столом, невозможно осуществить перевод богослужбных последований на осетинский язык?

— Практика неизбежно приводит к тому, что все это используется. Переводчику, который чувствует традицию, связан с ней, и переводить будет гораздо легче. 'Благодать' он переведет как хорзæх, 'помилуй' — ныббар, 'благословение' — арфæ. Следует отметить, что осетинская лексика, в отличие, например, от русской, стилистически недифференцирована. Благодаря наличию церковнославянского пласта в русском языке четко различаются ворота и врата, прости и помилуй, город и град. А в осетинском языке эта историческая глубина была утрачена вместе с письменностью, потому что книжная лексика фиксируется, а устная непрерывно развивается.

Такого рода дифференциации нет не только в осетинском языке, но и в народной жизни, так как отсутствует деление на божественное и мирское — божественно все. Попробую пояснить на примере. Мы находимся под влиянием атеистических идей: существование Бога, как гипотеза, нам не требуется. А в осетинской традиции это начало начал. Старик, отвечая на приветствие младшего, говорит: «Арфæгонд у!» 'будь благословен' именно в религиозном смысле,

потому что он старший и может благословлять младших.

Конечно, сейчас другая жизнь, и обратно вернуться мы уже при всем желании не сможем, да это и не нужно. Необходимо двигаться вперед. Освоение мировых религий для осетинской традиции не должно служить препятствием для ее развития. При взаимодействии этнической традиции с мировой религией этническая традиция как бы утверждается в собственной самостоятельности. Необходимо понять: осетинское — это то, о чем говорят по-осетински. Знакомство с новой религией превращается в культурный опыт, в возможность найти в своей традиции точки узнавания и соприкосновения, что становится этапом дальнейшего культурного и религиозного развития.

— Можно ли проиллюстрировать сказанное примером из осетинской культуры?

— Конечно. Достаточно сказать, что Коста Хетагуров фактически пытался перевести осетинскую религиозную традицию из обряда в молитву. Вспомните его стихотворение «Лæгау»:

Фест райсомæй, лæгау,

Ныхс сапонай дæхи

Æмæ-иу скув: «Хуыцау,

Фæдзæхсын Дыл мæхи!»

Не обязателен обряд. Главное — внутренний молитвенный диалог с Всевышним. Или: «Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня...» Последние слова, которые говорил Коста: «Ме 'фсымæртæ, кæрæдзи уарзгæйæ царут» 'братья мои, живите, любя друг друга'. Это парафраза евангельской проповеди: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34). Причем Коста традицию ни в коем случае не отсекал и не отказывался от нее. Наоборот, он все

это пытался из традиции же и вывести, потому что все это уже было когда-то в традицию заложено. Сам куывд, в некотором смысле, — это агапа, молитвенный пир братской любви. Весь социум выступает как единый организм. За столом замыкающийся круг — хистæрæй кæстæрмае, от старших к младшим. Æфсинтæн, хозяйкам, посылаются нуазæнтæ, почетные бокалы. Старший провозглашает: «Кæстæртæй чи ацахода — йæ царæнбон бирæ!» 'вкусившим из младших — долгих лет жизни'. Собрание характеризует-

ся стремлением все вместить, всех объединить, стать единым целым вокруг молитвенной трапезы.

— А как, на Ваш взгляд, происходил процесс восприятия христианства аланской народной традицией?

— Вопреки представлению о том, что христианство приносится сверху, я думаю, что изначально оно проникало в Аланию на уровне народной традиции — как некое передовое учение, поначалу чужое, но знаменующее собой мировоззренческий прорыв. Но сперва следует дать оценку двум тезисам, которые, хоть и устарели с научной точки зрения, но до сих пор продолжают тиражироваться.

Первый — о поверхностном знакомстве средневековых алан с христианством. Такого в принципе не может быть — христианство утверждается в книжной форме, со священнослужителями, с греческим языком богослужения, с церковной организацией, при мощной поддержке со стороны государства. Но еще раньше оно приходит не на неизвестном греческом языке и не в книжной форме, а в устной традиции, которая рыхлит и готовит почву. Вначале воспринимается агиография, жития святых, что хорошо ложится на развитую эпическую традицию, внутри которой переработанные жития выстраиваются в циклы. Таким образом закладывается основа, которая сама по себе является настолько мощной, что сохраняется даже после ухода институтов Церкви и государства, так как она народна, демократична и не требует специальных знаний.

Второй тезис, вытекающий из первого, — о взаимной враждебности христианства и местной традиции. Он возник не на осетинской почве, поэтому и отличается у нас особенной устойчивостью. Считалось, что карнавальная культура, например, Масленица, противостояла официальной религии. Но это утверждение уже довольно давно опровергается наукой — в дей-

ствительности карнавальная культура обеспечивает лишь временное снятие официальных отношений во время «карнавала», после чего обязательно происходит возвращение к ним. Другими словами, книжная и народная традиции в христианстве не враждуют, а дополняют друг друга. Для утверждения официальной, «книжной» христианской традиции, со сложившейся церковной организацией и опорой на государство, необходима фольклорная традиция, народное христианство, которое демократизирует, облегчает

Необходимо понять: осетинское — это то, о чем говорят по-осетински. Знакомство с новой религией превращается в культурный опыт, в возможность найти в своей традиции точки узнавания и соприкосновения, что становится этапом дальнейшего культурного и религиозного развития.

восприятие, снимает непонимание и позволяет органично совместить с ортодоксией собственную культурную традицию для того, чтобы два источника могли соединиться в единый поток.

— **Получается, что государство использует уже наработанную народом базу для официального утверждения христианства?**

— Вначале государство продолжает эту базу укреплять. Затем, принимая христианство на государственном уровне, Алания решает проблемы внешнеполитические. Но существует и важная внутривластная задача — необходимо признание легитимности царского выбора в среде собственных подданных. А это находит опору как раз в устно-эпической традиции. Выскажу предположение, что обоснование права на престол царской династии содержалось в Нартовском эпосе, который дошел до нас в таком монументальном

В основе осетинского куывд'а лежит не причастие кровью Жертвы, а идея гармонизации мира через призывание Небесного Царя.

виде именно потому, что в свое время правящая династия пропагандировала и использовала его в качестве идеологического обоснования собственного верховенства, позиционируя себя потомками нартовского воинского рода Ахсартагата. Вспомним, что, согласно дошедшим до нас письменным свидетельствам, именно так назывался и царский род средневековой Алании. Таким образом, эпические Ахсартагата связывали аланскую династию с мифологическим временем начала начал. Этим, кстати, аланское народное христианство отличается от народного христианства на Руси. Там оно приняло преимущественно аграрный характер, а здесь — эпический. Поэтому в эпические циклы вошли и жития святых, которые сделались участниками событий эпической эпохи.

Если обобщить сказанное, то можно предположить следующую последовательность событий. Первый этап — формирование фундамента для массовой христианизации — устный, фольклорный. Одиночные (поначалу) житийные образы и события осваиваются и включаются в эпическую традицию. Затем приходит официальное христианство, возникает церковная организация, вырабатывается собственная книжная традиция — вспомним еще раз аланского священнослужителя, донесшего до нас записанную на родном языке христианскую терминологию. Исчезновение собственного государства приводит к постепенному ослаблению христианства, которое народ стремится удержать как полученное им наследие, как свое культурное достояние. Церкви превращаются в дзуар'ы, вместо священнослужителей появляются дзуарылагтае. Богослужение полностью выносится на улицу в виде обрядового моления с жертвоприношением и

пиром. Уходит книжная традиция, все покрывается традицией фольклорной. Но и для эпоса, как важнейшей части фольклорной традиции, утрата царской власти оказывается роковой — эпос теряет свое основное содержание.

— **Получается, что образ царя имел особое значение для традиционного аланского мировоззрения?**

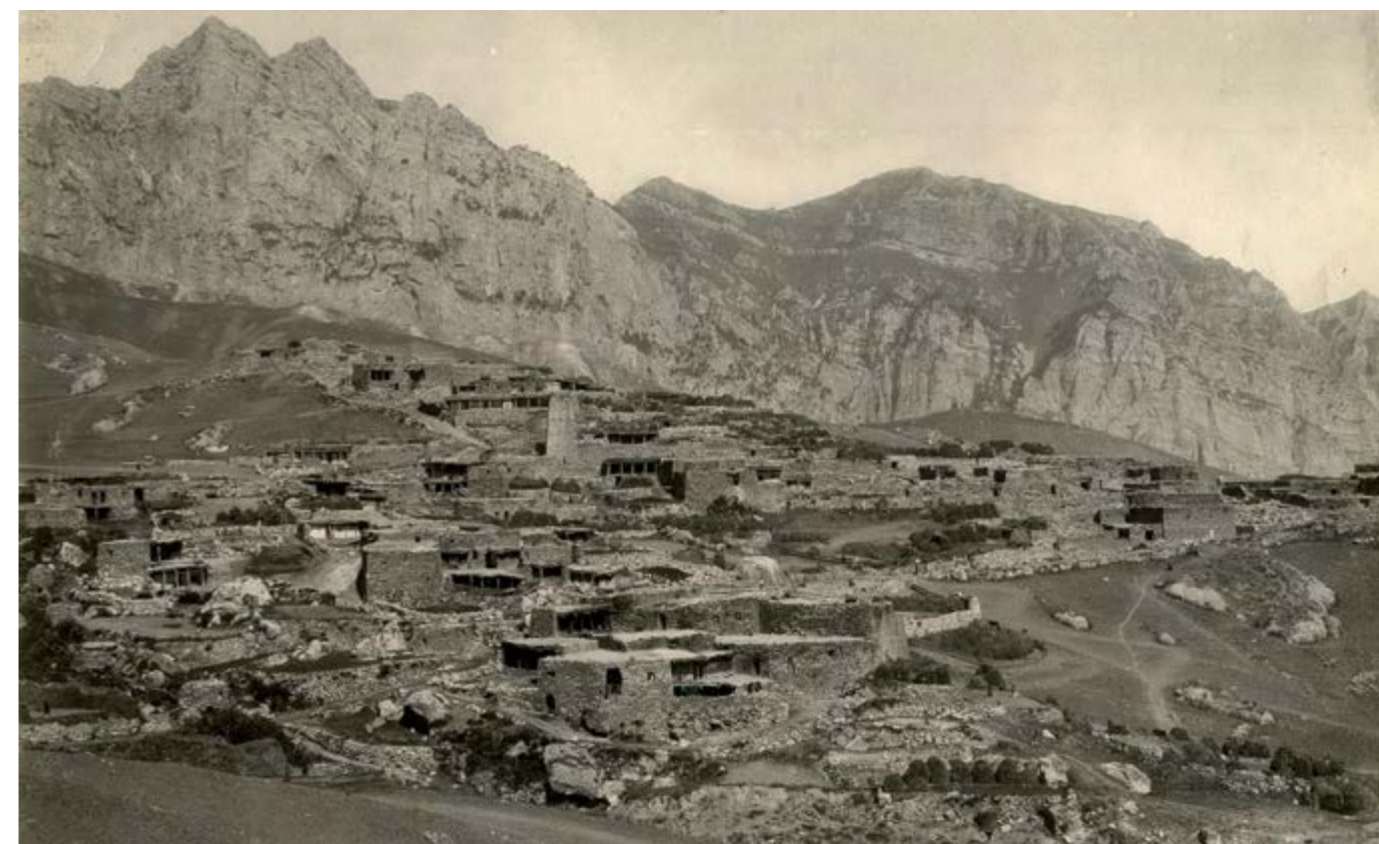
— В основе эпоса, в основе осетинской религиозной традиции, которая позволила, во взаимодействии с христианством, сохранить самобытный облик народа, лежит уже упоминавшийся мною этнический или, точнее, этногонический миф, который был успешно восстановлен осетиноведами в 80–90-е годы прошлого века. Р. С. Бзаров реконструировал его на основе материалов Алагирского общества и преданий об Ос-Багатаре, а В. С. Уарзиати — на основе обрядового моления, соотнеся части жертвенного животного с индоиранским представлением об идеальном устройстве социума. Этот миф в своей

основе космологический, но он находит основное воплощение в социальной плоскости, потому что три мыслимые вертикальные космические зоны соотносятся с тремя социальными сословиями — судьи-священнослужители, воины и общинники. По тысячелетним представлениям наших предков, идеальное трехфункциональное общественное устройство повторяет гармонию космоса. Но нередко упускается важная деталь, на которую обратил внимание Р. Ф. Фидаров. Дело в том, что, по наблюдению академика В. Н. Топорова, изучавшего эту трехчастную модель, цари, происходя из касты воинов, рождаются с общинниками и узурпируют жреческую и судейскую власть, т. е. воплощают в себе весь социум. Когда аланские цари уходят, происходит откат к общине, к патриархальной семье, внутри которой сохраняются идея царя и архаичная общественная структура. Къæлæтджын, кресло старшего в доме, на которое никто не был вправе садиться, — фактически трон. Внутри семьи присутствуют три сословия: те, кто идет на войну, — хæдзарæй иу лæг, один человек от дома, как того требовал обычай; те, кто занимается трудом, — они пасут скот, возделывают землю, занимаются ремеслами (их большинство); тот, кто выполняет функцию священнослужителя, — освящает три пирога, т. е. старший. Последний и узурпирует всю власть в доме. Получается, что на уровне семьи эта структура получает полное воплощение, а на уровне социума — нет. Не сохранилась царская власть, и в итоге в обществе возобладала модель антагонистическая, ерыс, соревновательность: «Ды маенай цаемай лæгдæр дæ?» 'чем ты лучше меня?' С уходом официального, «книжного» христианства на сохранившемся

культурном фундаменте по-новому воплощается древний социально-этнический миф. С ним связана религиозная традиция: царь земной повторяет образ Царя Небесного, обряд освящения трех пирогов — это призыв на царство Небесного Царя.

В свое время христианство восприняло эти представления. К примеру, роспись Нузальского храма, в стенах которого, по всей вероятности, был погребен представитель аланского царского рода, каноническая по своей сути, может быть реинтерпретирована в согласии с древней мировоззренческой традицией. Во главе восседает Хуыцау, Иисус Христос Вседержитель, Небесный Царь и Судья. Справа и слева от него — Богородица (Мад-Майраем), Иоанн Предтеча (Фыдыуани), архангелы Михаил и Гавриил (Мыкалгабыртæ) с Небесным Воинством (зæдтæ æмае дауджытæ). Это, собственно, и есть деисис, по-гречески 'моление', то есть куывд. Далее следуют изображения чуда святого Георгия (в осетинской традиции — Уастырджы) и чуда святого Евстафия (в осетинской традиции — Æфсати), но святые уже не предостоят Богу, это жанровые сцены: Æфсати охотится на оленей (царское занятие), а Уастырджы побеждает дракона. В осетинском обряде эти сцены могут быть соотнесены с хъазт, с действием, танцами. В алтаре — моление со вздетыми руками, а здесь, в наосе, — хъазт. Сама архитектура этих фресок, образы, которые там присутствуют, их расположение, — все это может косвенно указывать на то, что там похоронен царь.

— **Но ведь даже после смерти последнего царя династия могла так или иначе продолжить свое существование?**

с. Донифарс. Начало XX в.

— Она, по-видимому, постепенно окрестянилась, потеряла свой статус. Дружины не стало. Помните у Коста Хетагурова: «Кæстæр мæ фæдыл нæ цауы хæстмæ» 'Младший не идет за мной в бой'? Еще один важный момент: атрибутом святого Евстафия, царского покровителя, судя по нузальской росписи, является стрела с раздвоенным наконечником. Где она упоминается в эпосе? В финальном сказании «Нарты сæфт», «Гибель нартов», где цари этими стрелами жнут хлеб. Это конец социума. Размываются основы общественного устройства. В гораздо более раннем цикле Ахсар и Ахсартаг, прежде чем идти охранять яблоню нартов, косят, но ломают свои косы, говоря: «лучше нам сгинуть, чем делом таким заниматься». Воины не притрагиваются к сельскохозяйственному инвентарю, тем более они не могут использовать оружие для сельскохозяйственного труда.

— **Можно ли сравнить основное христианское богослужение, Литургию, и дошедший до нас обряд традиционной осетинской молитвы?**

— В основе осетинского куывд'а лежит не причастие кровью Жертвы, а идея гармонизации мира через призывание Небесного Царя. Молитвословия пропитаны христианскими именами и образами — Мад-Майрам, Уастырджы, Уацилла, Мыкалгабыртæ. Календарь тоже христианский. Никакой враждебности — наоборот, предельно бережное отношение, стремление сохранить христианское наследие, насколько это возможно, при этом смыслы — свои, которые всегда и вкладывались. Обряд застольного моления, освящения трех пирогов — по своему значению царский и очень сложный. Поэтому в горах он ►►

сохраняется именно на уровне патриархальной семьи, вместившей в себя идею царского присутствия.

В осетинской традиции почти не представлен Иисус Христос. Есть Господь, Хуыцау, в образ Которого и вошел образ Христа. У балкарцев находим подсказку — в их народном календаре, восходящем к аланскому, месяц, приблизительно соответствующий апрелю и маю, называется Хучау ман, то есть Хуыцауы маей, Божий месяц, который приходится на период Пасхи. Остался у балкарцев и Хустос, но где-то на периферии.

Хорошо бы помнить о том, что в свое время наши предки нашли формы гармоничного взаимодействия с греческой книжной традицией, поначалу им непонятной, и, став христианами, сохранили собственную традиционную культуру.

Но наиболее отчетливо разница проявляется в том, что христианство выступает в качестве религиозно-исторической традиции. Вот святой Георгий — это лицо историческое, жил при римском императоре Диоклетиане, известны его родители, послужной список и т. д. Церковью делается акцент на то, что это живой человек, который совершил подвиг и был причислен к лику святых. Осетинская же традиция — религиозно-мифологическая. Предельно ослаблена связь с историей, мифологизируются даже исторические персонажи. Ключевую роль приобретает космология, постоянное обращение к начальным временам, когда все было создано. Но я думаю, что еще в XIX веке историческое чувство связи с государственным прошлым было достаточно сильно. Т. е. сама традиция была религиозно-мифологическая, но историзм оставался, прежде всего благодаря историческим песням. В них исторические персонажи вступают во взаимодействие с внешним миром, решают некие задачи и, самое главное, они выходят из общины и из патриархальной семьи, обретая собственную судьбу. Обретение судьбы — это, в конечном счете, и есть смысл того перехода, который пытался осуществить Коста Хетагуров. Это индивидуализация, выход за пределы и рамки — национальные, государственные, языковые, с неременным сохранением самого себя, а в религиозном смысле — приобщение к вечной жизни.

— В чем Вы видите сложность происходящего сейчас взаимодействия православного христианства и осетинской традиционной культуры?

— Христианство — это передовое книжное учение, но оно пришло в общество, где есть своя устно-поэтическая, устно-мифологическая традиция. Она не уходит и должна взаимодействовать с книжной

традицией через усвоение образов, которые изначально усваивались в эпическом ключе. Базовая идея, как уже было сказано: осетинская религиозная традиция в том виде, в котором мы ее застаем, является религиозно-мифологической, в отличие от христианства, являющегося по своей сути религиозно-историческим учением. Осетинская традиция могла бы стать его дополнением, если не пытаться их противопоставлять, не пытаться создавать на основе традиции некую секту, если сохранить изначально присущие традиции демократизм, всеобщность, самобытность. Ведь традиция связана и с хореографией, и с устным эпическим творчеством, и с другими областями национальной культуры, — что будет со всем этим? Хорошо бы помнить о том, что в свое время наши предки нашли формы гармоничного взаимодействия с греческой книжной традицией, поначалу им непонятной, и, став христианами, сохранили собственную традиционную культуру.

— Из сказанного следует, что достижение высокого качества богослужебных переводов, возрождение полноценной аланской литургической традиции невозможно без твердой опоры на традиционную культуру, которая связывает нас со временем, когда подобная задача была успешно решена.

— Совершенно верно.

Беседовала Лаура Мамиева

Феликс Киреев

ИЗ ИСТОРИИ ХРАМА СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ НИНЫ

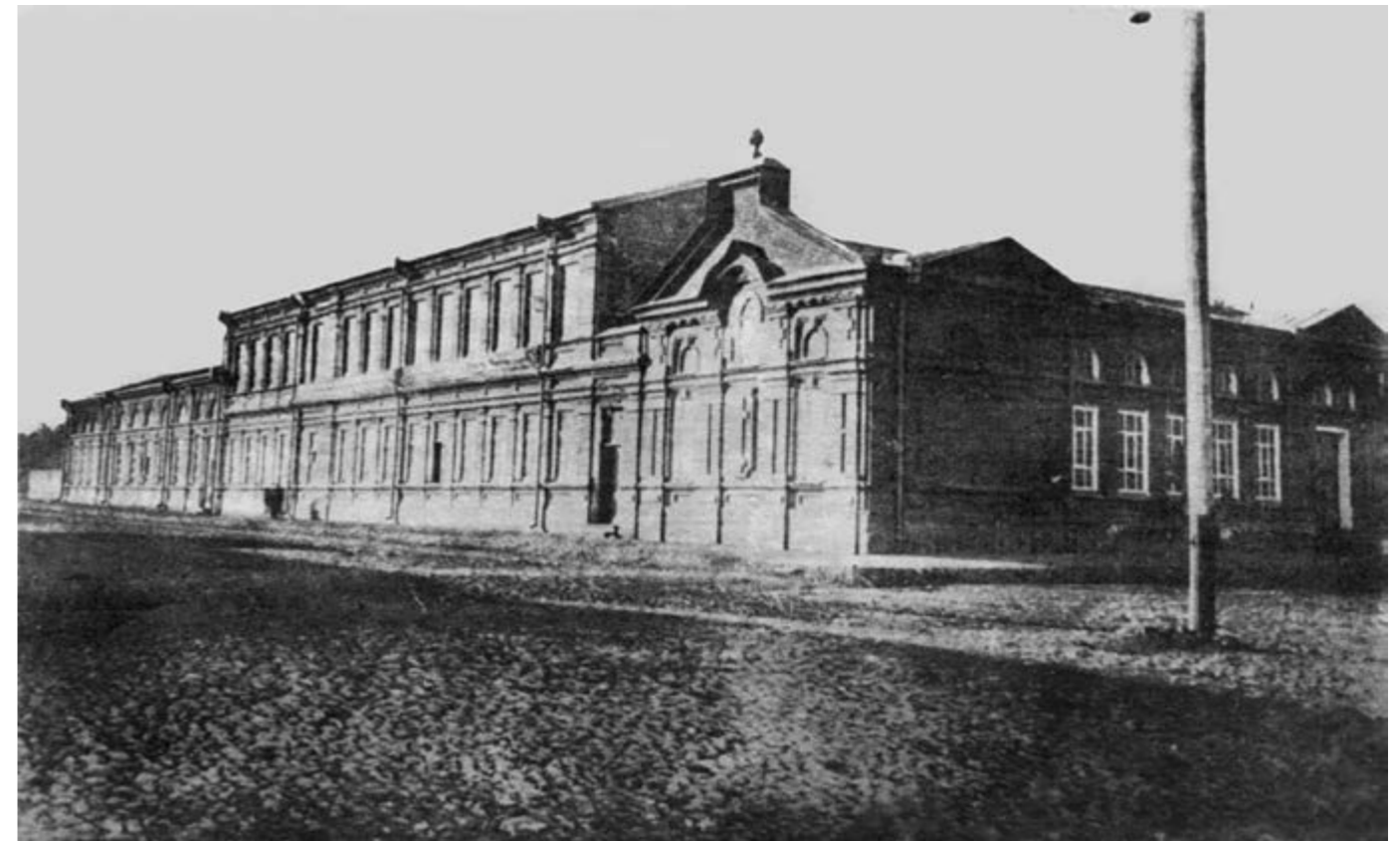
Вот уже более ста лет во Владикавказе действует грузинская национальная школа, при которой в 1898 году была открыта домовая церковь во имя святой равноапостольной Нины. Церковь, закрытая советской властью в середине 30-х годов, возобновляется по инициативе грузинской диаспоры нашей республики. Школа не прекращала своей деятельности с момента открытия в 1888 году. Именно с этого времени в Осетии, во Владикавказе непрерывно действует грузинский духовно-образовательный центр, который не прекращал функционировать и в периоды хорошо известных антиосетинских кампаний, неоднократно осуществлявшихся различными правительствами Грузии после 1917 года.

Грузины живут во Владикавказе на протяжении всей его истории. В бытность города крепостью их было немного (до 100 человек), но с преобразованием в город численность грузин заметно выросла. В 80-е годы XIX века их было уже больше 500, а к 1914 году — около 4 тысяч.

Значительную часть грузинской общины составляли ремесленники и рабочие, но немало было и учителей, чиновников местной администрации, военных. В число наиболее состоятельных горожан входили Г. Г. Бурдули, З. Н. Кереселидзе, Д. Джапаридзе, З. Д. Мчедлишвили и др.

В ноябре 1888 года во Владикавказе состоялось торжественное открытие грузинской школы. Ее основали по инициативе грузинского просветителя и общественного деятеля Михаила Зааловича Кипиани (1833–1891), при активном участии грузинской общины города. Занимая с 1871 года пост управляющего межевой частью Терской области, Кипиани принимал активное участие в передовых начинаниях владикавказской интеллигенции. Он также явился одним из инициаторов создания «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», впервые перевел на грузинский язык В. Г. Белинского, активно сотрудничал в кавказских газетах. Михаил Кипиани хорошо знал Коста Хетагурова и дружил с ним.

Первое время грузинская школа располагалась в арендованном помещении, но затем для нее построили специальное здание. Просторный актовый зал использовался для проведения различных мероприятий не только грузинами, но и осетинами, армянами и другими национальными общинами. 1 июня 1897 года здесь прошло ежегодное собрание грузин. Его участники подвели итоги работы за 1895–1896 годы и рассмотрели вопрос расширения школьного здания. Было решено построить также грузинскую церковь, на что удалось собрать 2 000 руб. пожертвований.

Архиерейский дом, вид с колокольни кафедрального собора Михаила Архангела. Начало 90-х гг. XIX века

Домовый храм во имя святой равноапостольной Нины пристроили к зданию школы. 1 ноября 1898 года он был освящен епископом Владикавказским и Моздокским Владимиром.

Священник Михаил Колпиков так описывал это событие во «Владикавказских епархиальных ведомостях»: «На Литургии некоторые песнопения были пропеты учениками грузинской школы на грузинском языке. В напевах грузин слышалось что-то древнее, из глубины веков идущее... Нет в нем ни одного вычурного пассажа. Но в нем есть иное богатство, сердечность и глубина непосредственного религиозного чувства, в нем поет не искусство, а душа, поет сердце, полное любви к Богу, готовое служить своему Создателю.

Предосвящением храма кафедральным протоиереем было совершено освящение воды, при котором многие песнопения были пропеты теми же учениками. Пение было все то же, задушевное, глубоко трогательное. Напевы стоят того, чтобы на них обратили внимание и воспользовались частью из сокровищницы религиозной жизни и чувства единоверных нам грузин».

Это был не только домовый храм — вход в него соорудили с улицы, что сделало его фактически приходским. Клириками были назначены священник Георгий Григорьевич Натадзе и диакон Георгий Александрович Таблиев, а прихожанами стали не только городские грузины, но и жители хутора Камбилеевского.

«Теперь у владикавказских грузин есть собственные церковь и школа, а также свой священник, и они

с удовольствием слушают богослужения на родном языке... Все грузины Владикавказа и живущие около него будут приписаны к владикавказской школьной церкви. Так приятно, что Владикавказский епископ Владимир с отеческой любовью смотрит на местных грузин и действует для их пользы», — писала газета «Иверия» в 1898 году.

В середине 30-х годов храм святой Нины был закрыт и переоборудован в актовом зале школы, которая стала именоваться городской школой № 19. Преподавание в ней и по сей день ведется на грузинском языке.

В начале 2000-х годов на фасаде школы была установлена мемориальная доска в память о дружбе Коста Хетагурова и Михаила Кипиани, автором которой стал народный художник РСФСР Михаил Дзбоев. Когда в здании, ввиду его аварийного состояния, начался затянувшийся почти на 8 лет капитальный ремонт, памятная доска была снята. Только недавно, в дни, когда многонациональная Осетия отмечала 155-летие со дня рождения Коста, доска, отреставрированная самим автором, была торжественно возвращена на свое место.

Сегодня церковь святой Нины переживает свое второе рождение. По договоренности с АМС г. Владикавказа и руководством школы № 19 ответственным за восстановление храма назначен клирик Владикавказской епархии священник Георгий Болотаев, свободно владеющий грузинским языком. Несмотря на то, что помещение храма по-прежнему нуждается в капитальном ремонте, каждую субботу в его стенах служится молебен.

В январе этого года здесь было впервые совершено Рождественское богослужение и состоялся праздничный концерт. Под сводами церкви была представлена библейская история рождения Христа, а юные прихожане и воспитанники православной гимназии имени протоиерея Алексея Колиева показали концертную программу из стихов и песен духовного содержания на грузинском, русском и греческом языках. Все дети — юные артисты и их юные зрители — получили рождественские подарки, а для родителей — прихожан храма, членов грузинской диаспоры — подарком стал сам праздник, который замечательно удался благодаря их молитвам и трудам.

Мы помним о трагических моментах совместной истории осетинского и грузинского народов, но возрождение церкви в честь святой равноапостольной Нины, осуществляемое объединенными усилиями Владикавказской епархии и грузинской диаспоры Северной Осетии, становится свидетельством незыблемости вечных духовных ценностей у народов, исповедующих православную веру.

Местная религиозная организация православный Приход храма святой равноапостольной Нины просветительницы Грузии г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания Владикавказской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

Реквизиты:

Ставропольский филиал ОАО «Банк Москвы» Корсчет № 3010181020000000714 БИК 040702714, ИНН 7702000406, ОГРН 1027700159497

Рубли: расчетный счет № 40703810500220002118

Доллары: текущий валютный счет № 40703840100220000014

Евро: текущий валютный счет № 40703978900220000021

При перечислении средств просьба сообщать казначею храма по тел.: +7-962-748-0088

Лариса Цахилова

ВЫСТАВКА «БЕЗМОЛВНАЯ ПРОПОВЕДЬ»

В залах Художественного музея им. М. С. Туганова с 8 февраля по 29 марта 2015 года прошла выставка современного церковного искусства «Безмолвная проповедь». Экспозиция была организована Иконописной школой при Московской духовной академии, творческими мастерскими преподавателей и выпускников Иконописной школы и Миссионерским отделом Владикавказской епархии.

Вниманию зрителей были представлены работы, выполненные за последние 15 лет: живописные проекты иконостасов, фотографии настенных росписей и фресок, образцы мозаики, иконы, декоративная резьба, лицевое шитье. До этого выставка уже успела побывать в трех городах России — Вологде, Великом Новгороде и Ставрополе.

География работ весьма обширна — они украшают храмы Москвы и Санкт-Петербурга, Кавказа и Сибири, Украины, Германии, Италии, Исландии, Ближнего и Дальнего Востока. По замыслу, масштабу и разнообразию представленных экспонатов проект не знает себе равных.

Основную экспозиционную площадь занимали работы Центра храмового искусства имени преподобного

Троица. Фреска. Баптистерий Троице-Сергиевой лавры. Автор А. Н. Солдатов

Андрея Рублева (ЦХИАР), возглавляемого Александром Николаевичем Солдатовым, Творческой мастерской Анатолия Валерьевича Алёшина (оба — преподаватели Иконописной школы) и Творческого объединения «Скиния» (председатель — выпускник Иконописной школы Валерий Владимирович Федоров). Выставка наглядно показала, что все они имеют свои особенности, свое собственное творческое лицо, но при этом развиваются от одного корня — Иконописной школы, главной особенностью которой является изучение византийских и древнерусских образцов.

Древние образцы помогают лучше понять традиционное церковное искусство, глубже проникнуться его духом, ведь целью иконописца является не только соблюдение канонов, но и написание такого образа, который бы вызывал молитвенный настрой. По справедливому замечанию заведующего Иконописной школой, иконоведа и богослова иконы архимандрита Луки (Головкова), «иконография, язык образа и богословие — все должно быть осмыслено и прочувствовано иконописцем». Это отношение к церковному образу, привитое в школе, выпускники стремятся пронести через все свое творчество, сохраняя верность древним иконописным традициям.

Особенно запомнились и полюбили осетинским зрителям выполненные А. Н. Солдатовым и его учениками росписи баптистерия и братской трапезной

Троице-Сергиевой лавры, роспись иконостаса храма в Гамбурге (Германия); росписи Никоновского придела Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, выполненные А. В. Алёшиным; мозаики «Спаситель» работы А. Н. Солдатов и «Святитель Николай» работы Петра Слободниченко; митра на мощи святителя Николая Сербского, выполненная Лилианой Айдарич в технике лицевого шитья.

Особым интересом на выставке пользовались работы осетинских иконописцев Самсона Марзоева и Оланы Айларовой, придавшие выставочному проекту национальный оттенок и позволившие оценить динамику и потенциал осетинского церковного искусства. Самсон Майрамович Марзоев имеет богатый профессиональный опыт в области монументальных храмовых росписей. Еще ►►

Макет поклонного креста. Автор С. Марзоев

Самсон Марзоев

будучи студентом Иконописной школы при МДА, он вошел в состав творческой мастерской ЦХИАР под руководством А. Н. Солдатова. После выпуска, когда образовалось творческое объединение «Скиния», Самсон стал и его участником. Иконописец Оллана Таймуразовна Айларова с 2015 года является членом Союза художников РФ и первым представителем Осетии в секции «Церковное искусство».

Интересной задумкой стало экспонирование незавершенной иконы «Спаситель со святыми на полях» Самсона Марзоева. Икона была выставлена на мольберте, перед которым разложили атрибуты художника и материалы для иконописи. При желании посетители могли попробовать растереть минеральные пигменты курантом на стекле, как это делают иконописцы.

Митра на мощи Свяителя Николая Сербского. Автор Л. Айдарич, прорись Д. Ганчева

Знакомство с творчеством современных мастеров произвело глубокое впечатление на зрителей, многие из которых в восторженных отзывах выразили огромную благодарность авторам работ и организаторам экспозиции, а также надежду иметь и впредь возможность приобщаться к духовному богатству церковного искусства. Слушая содержательные рассказы экскурсоводов, посетители учились понимать символический язык иконы, постигать ее неотмирную красоту, глубже знакомиться с Православием. Тем самым выставка «Безмолвная проповедь» стала не только значимым событием в культурной жизни Владикавказа, но и своего рода миссионерской акцией.

Спас в силах. Гамбург. Автор А. Н. Солдатов

Брак в Кане Галилейской. Фрагмент. Братская трапезная Троице-Сергиевой лавры. Автор А. Н. Солдатов

Икона Божией Матери Свято-Крстовская. Автор О. Айларова

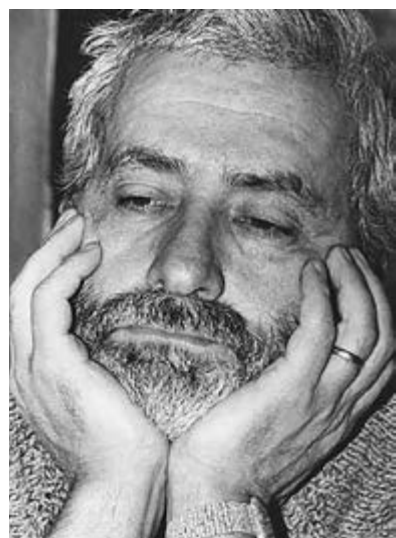
Оллана Айларова

Сошествие во ад. Пахомиево-Нерехтский монастырь. Автор А. В. Алёшин

Таймураз Айларов, заслуженный художник РСО-Алания

О ТВОРЧЕСТВЕ СКУЛЬПТОРА ЛАЗАРЯ ГАДАЕВА

Творчество незабвенной памяти Лазаря Гадаева — яркое явление в осетинском и российском изобразительном искусстве. Гадаеву удалось создать неповторимый мир скульптурных произведений, исполненных с безошибочным художественным вкусом, смелостью и свободой. Лазарь неустанно искал и находил в работе над образом самое неизбитое и неповторимое. Ему были чужды влияние академизма, готовые стандарты и модные течения.

В 1969 году в Доме художников на Кузнецком мосту прошла однодневная художественная выставка Лазаря Гадаева, где я впервые услышал признание самого художника о его большой любви к творчеству народного мастера Сосланбека Едзиева. Таким образом он определил свое направление в искусстве, основанное на постижении «народной души» — в труде, песне, танце, мифологии. Многие его сюжеты просты, но, воплотившись в художественном образе, обретают глубину и самобытность.

Лазарю Гадаеву очень нравился Осетинский театр, где он познавал характерный облик такой любимой и быстро уходящей старой Осетии. Ему как романтику была особенно близка героика и в целом национальная тематика, представленная в таких спектаклях, как «Чермен», «Хазби», «Амран». Искусствовед Юрий Перевезенцев написал о нем: «Не изображение, а преобразование — принцип его творчества».

В 1960–1970-е годы Гадаев работал с камнем и деревом. Чаще всего он использовал для своих скульптур

известняк — как наиболее податливый, знакомый ему с детства материал. В нем выполнены его работы «Тост за погибших», «Элегия», «Валяние войлока», «Отдыхающий» и другие. Работам в камне присущи конструктивность, плотность формы и предельная обобщенность. Лазарь Гадаев «напрягал» камень изнутри, трансформируя и преобразуя его, пока не рождался «гадаевский шедевр». Помнится, работы, не обладающие подобными качествами, он называл бесхребетными.

Из интереса к народному творчеству и средневековой европейской деревянной скульптуре рождается увлечение пластикой из крашеного дерева. В работах этого периода художник использует символ, метафору, а также плоскостность и декоративную яркость цвета. Для его скульптур из дерева характерны силуэтность и заостренность образов. Скульптор удерживает своей любовью и увековечивает все, что так скоротечно.

Впоследствии излюбленным материалом Гадаева становится бронза — с ее помощью он обретает большую

независимость и свободу. Техника его приобрела предельную живость, а фактура — подвижность. Этими качествами обладает и необыкновенная мемориальная доска на фасаде дома на ул. Горького, посвященная памяти Георгия Малиева.

По словам Александра Рюмина, композиции Гадаева «даже на самые земные темы одухотворены его необычной полетной лепкой, в которой чувствуется, как трепетно извлекается из материала явленный художественный образ».

Особняком стоят в творчестве Гадаева его работы на евангельские сюжеты: «Несение Креста», «Воскрешение Лазаря», «Бегство в Египет», «Молитва Христа», «Тайная вечеря». Оставаясь в русле «гадаевской» осетинской скульптуры, они раскрывают духовную сущность бытия.

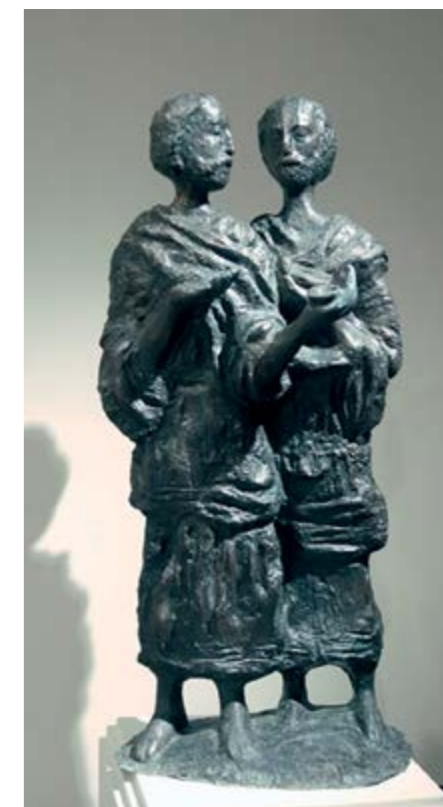
В 2007 году в Манеже состоялась юбилейная выставка, посвященная 70-летию Союза художников г. Москвы, на которой была представлена большая работа из бронзы «Мальчик со свирелью», ставшая доминантой скульптурного раздела. «Мальчик со

свирелью», как нарт Ацамаз, «взлетел» высоко, заполнив своей задушевной музыкой пространство громадного выставочного зала, и гадаевское творение «пело» первым голосом.

Скульптор Николай Никогосян пишет: «Зрелые произведения Лазаря приобретают “гадаевское лицо”, которое не спутаешь ни с каким другим. Они цветут самостоятельно в “гадаевском саду”».

Я видел много скульптурных портретов Пушкина, но для меня один из лучших — гадаевский памятник, установленный в саду редакции журнала «Наше наследие» в Москве. Гадаев не приукрасил поэта, не придал его образу ложный пафос. Памятник выполнен в бронзе и установлен на постаменте в виде небольшого холма. Поэт приближен к зрителю, он взаимно доверителен с ним. Трепетная лепка лица являет нам теплоту души, живость мысли и придает одухотворенность всему облику.

В целом, по характеру творчества и по собственному признанию Лазарь Гадаев — станковист. Но практика показала, что ему удаются и

Апостолы. Скульптор Л. Гадаев

Бегство в Египет. Скульптор Л. Гадаев

Тайная вечеря. Скульптор Л. Гадаев

монументальные творения. Одним из образцов его монументальной скульптуры является бронзовый памятник классику дигорской поэзии Георгию Малиеву в сквере Дворца детского творчества г. Владикавказа. Фигура Малиева, закутанная в бурку, несет на себе печать эпохи репрессий. Несгибаемое мужество поэта призывает к свободе. Особенно выразительны руки, стремящиеся разорвать путы, а также голова, слепленная плотно и монументально. Памятник хорошо гармонирует с окружающей средой и активно работает во всех пространственных измерениях. Это один из самых оригинальных памятников осетинской столицы.

Лет 15 назад в мастерской Лазаря я видел памятник из бронзы выдающемуся поэту Блашке Гурджибекову. Памятник убеждает выразительностью силуэта, узнаваемостью фигуры — перед нами образ поэта, углубленного в раздумья о судьбах своего народа. Блашка Гурджибеков — рыцарь духа и истинный патриот Осетии и России. Скульптура, при живости лепки,

в меру обобщена и безусловно монументальна. Лазарь Гадаев смог создать живой и незабываемый образ Гурджибекова. Этот памятник ныне установлен в Дигоре.

Лазарь Гадаев как художник получил в Москве широкое признание, но для него было еще дороже, что его творения востребованы и любимы на родине.

Рождество Христово. Скульптор Л. Гадаев

Памятник Г. Малиеву. Скульптор Л. Гадаев

Портрет Лазаря Гадаева. Худ. Т. Айларов

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Женщине в Церкви уготовано служение Марфы – повседневные заботы, достойные уважения. Именно хрупкие женские плечи несут на себе мирскую долю тяжести церковной жизни. Оставляя мужчинам долг священства, женщины приносят верное сердце, любовь и молитву. Спасибо Вам, мирносицы.

Михаил Мамиев, историк

ТРАДИЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ОСЕТИН КАК НАСЛЕДИЕ АЛАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Определение зимнего солнцезворота. Худ. М. Туганов

Традиционный календарь — уникальное явление народной культуры, созданное человеком для жизненно необходимого ему системного счисления времени на основании наблюдений за движением небесных светил — солнца и луны. Но это далеко не все. Традиционный календарь запечатлевал в себе историю общества, динамику изменения его культуры, религиозных представлений, хозяйства и быта. Не будет преувеличением сказать, что современные государственные и религиозные календари имеют в своей основе древние традиционные календари, создававшиеся и использовавшиеся многими поколениями народов. Традиционный календарь консервативен и не привязан к каким-либо идеологическим системам, хотя может испытывать с их стороны определенное влияние. Он не нацелен на событийность, а отражает тенденции, происходящие в обществе на протяжении целых эпох.

Государственный календарь призван «запоминать» идеологически значимые факты, переводить их в даты, а затем «напоминать» о них обществу — вплоть до изменения официальной идеологии. Такие календари недолговечны, они меняются или исчезают вместе с породившими их государствами и идеологиями, в отличие от традиционных календарей, которые продолжают существовать в народной среде невзирая на политические катаклизмы веков и даже тысячелетий. Сильно меняясь со временем,

они сохраняют органичную преемственную связь, шаг за шагом, пласт за пластом запечатлевая в себе постепенно отступающее прошлое с присущими ему представлениями о Божественном и земном. Древний календарь не требует записи и исчезает только со своим народом, когда живущее по нему общество погибает или перерождается, переставая быть традиционным. В этом случае древний календарь используется все реже и постепенно забывается, сохраняясь лишь благодаря возможности его письменной фиксации. Другими словами, народный календарь теряет свое предназначение и превращается в любопытный экспонат из прошлого и объект научного анализа.

Система счисления времени, которая создавалась и веками использовалась носителями традиционного сознания и, в значительной степени, мифологического мышления, ныне изучается прагматичными людьми с рациональным мировоззрением, присущим техногенной цивилизации. Квалифицированным специалистам удается раскрывать значение отдельных элементов традиционной календарной культуры и постепенно воссоздавать ее общий смысл в различные исторические периоды. Однако мы до сих пор находимся в плену идеологизированной советской околоэтнографической традиции, ее навязчивой интерпретации осетинского календаря как довольно примитивного сельхозрегулятора с примесью языческих и полужыческих представлений и верований.

Нередко интерпретацией народного календаря занимаются дилетанты, безответственно выдающие в информационное пространство свои поверхностные выводы. Подавляющее большинство создаваемых таким образом интерпретаций можно разделить на две основные категории. К первой относятся наивные отождествления некоторых праздников и связанных с ними обрядов, имеющих выраженные христианские элементы, с каноническими православными. Вторая категория — это обычно агрессивное стремление полностью исключить из календаря существующую христианскую составляющую. Разумеется, обе указанные точки зрения ошибочны и неприемлемы с точки зрения науки, церковной ортодоксии и осетинской традиционной культуры*.

Очень важно, что традиционный календарь продолжает использоваться внутри осетинского общества, давно интегрированного в современную цивилизацию. При естественном значительном снижении своей роли он, тем не менее, выходит за рамки бытовой сферы и остается важным маркером национальной и культурной идентичности. Формат журнальной статьи не позволяет подробно рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с изучением этого феномена. Мы ограничимся лишь краткой характеристикой его христианской составляющей.

Даже беглый взгляд на традиционные праздники осетин позволяет сделать некоторые статистические обобщения. Из почти пятидесяти праздников, носивших не локальный характер (таких, как *Дзири*,

* К сожалению, использование в Осетии государством и окологосударственными общественными организациями некоторых традиционных праздников приводит то к путанице в определении дат, обусловленной использованием григорианского календаря вместо юлианского, то к недопустимым интерпретациям (в частности, в СМИ Хетагды Уастырджи часто именуют «праздником святого Хетага»).

Нижний Архыз. Аланский храм X века

Цыргъобау, *Тхост* и др.), а распространенных по всей Осетии, половина имеет прямые временные соответствия с датами церковного календаря. Еще около трети праздников связаны с Православием по названию или посвящению, но напрямую церковному календарю не соответствуют — к примеру, особо почитаемый *Джеры дзуар* или *Джеры Уастырджи*, начало длительного празднования которого приходится на последнее воскресенье августа и сопровождается массовым паломничеством к древней церкви святого Георгия у с. Джер. Около 20 % составляют уходящие корнями в далекое прошлое сельскохозяйственные, поминальные и родовые праздники (*Къутуганан*, *Мæрдты бадан*, *Наф*), не связанные с церковным календарем.

Во времена расцвета и последующего ослабления аланского государства цикл важнейших праздников Православной Церкви уже был сформирован. В X–XII вв. Алания являлась могущественной региональной державой, где Православие было принято как государственная религия, а церковный календарь получил официальный статус. В то же время о широком распространении христианства в народной среде свидетельствует появление народного варианта церковно-государственного календаря. Важно, что народный календарь не только отражает православную культуру средневековья, но и несет в себе значительный объем информации о дохристианском прошлом алан.

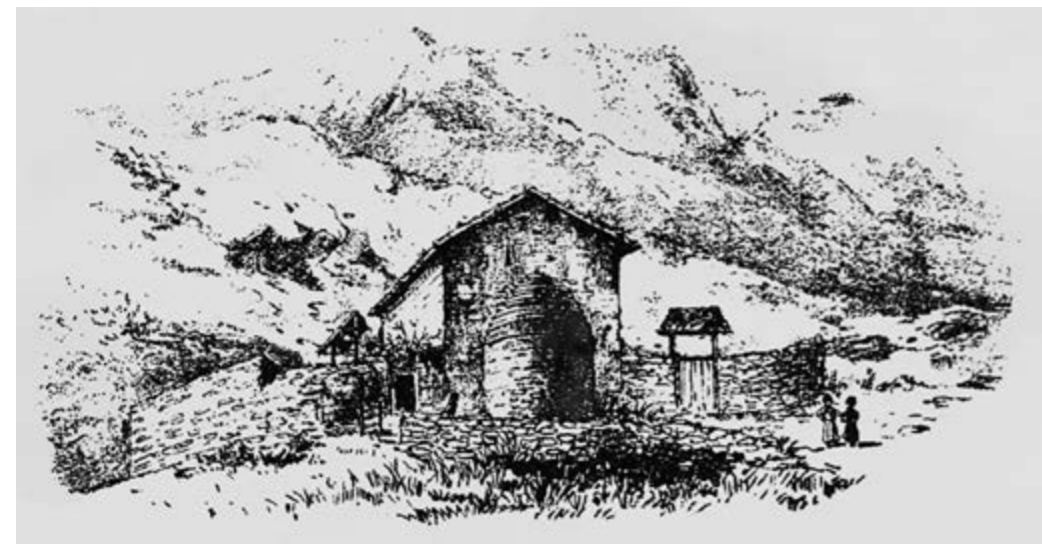
Обратимся к праздникам, имеющим прямые временные соответствия с восточнохристианским церковным календарем. В их число входят: *Куадзæн* (Пасха); соответствующие двенадцатым *Цыппурс* (Рождество Христово), *Доныскæфæн* (Крещение Господне), *Зазхæссæн* (Вход Господень в Иерусалим), *Зæрдæвæрæн* (Вознесение Господне), *Кæрдæгхæссæн* (день Святой Троицы), *Майрæмы Куадзæн* (Успение Пресвятой Богородицы); связанные с Великим постом *Комахсæн* (Заговение), включающий *Фыдыкомбæттæн* (Мясопустная неделя) и *Урсы къуыры* (Сыропустная неделя), *Комбæттæн* (Великий пост), *Стыр Тутыртæ* (праздник Феодора Тирона), *Лауызгæнæнтæ* (Родительские субботы); соответствующие дням памяти святых *Басилтæ* (святого Василия Великого), *Фалвæрайы æхсæв* (святых Флора и Лавра), *Хуарз Никколæ* (Перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар), *Фыдыуани* (Усекновение главы Иоанна Предтечи) и другие.

Цыппурс. Имеет фиксированную дату — ночь на 25 декабря (7 января н. ст.), что прямо соответствует Рождеству Христову. В известном описании празднования *Цыппурс* в

с. Садон в 1900 г. рассказывается, что во время молитвы старший упомянул «три солнца неразделимых», а затем, уже в личной беседе, пояснил: «Сегодняшние молитвы идут прямо к трехсолнечному Богу». Здесь хорошо прослеживается древнеарийское, дохристианское представление о трансцендентности солнца и рождаемого им огня, представленное, в частности, в имени легендарного короля Артура (согласно этимологии В. И. Абаева, от *artxiron* 'огонь солнцевич'). С другой стороны, очевидно и присутствие здесь православного догмата о Святой Троице, причем в хорошо известной аналогии, предложенной отцами Церкви, сравнивавшими триединство Бога с солнцем, воплощающем небесное тело, свет и тепло.

Что же касается разжигания под утро костров, то некоторые из сельчан не смогли разъяснить суть этого обряда, тогда как большинство связывали его с символическим стремлением обогреть родившегося Христа и выражением радости о произошедшем событии. Очевидно, первоначальный смысл этого дохристианского обряда уже был забыт, а прозвучавшие объяснения свидетельствуют о росте церковного влияния на капитализировавшееся, но не терявшее связь с древней традицией осетинское общество.

Название праздника *Цытурс* восходит к архаичному числительному *цуппор* 'сорок', сохранившемуся в дигорском, но вытесненному в иронском диалекте новообразованным *дыуиссады* 'две двадцатки'. Оно связано с сорокадневным постом, который в Православной Церкви предваряет Рождество Христово. Наиболее ранние письменные свидетельства о том, что Рождественский пост соблюдался в Осетии, относятся к середине XVIII века, т. е. ко времени до начала миссионерской деятельности, организованной Российской империей. На древность праздника указывает и архаичность названия.

с. Дзивгис. Церковь Св. Георгия (Дзивгисы дзуар). Рис. В. Миллера

Интересно, что событие вселенского масштаба — Рождение на земле Иисуса Христа, Сына Божиего, обозначается термином, передающим лишь продолжительность поста (в то время как в русской традиции, напротив, пост именуется по завершающему его

великому празднику — Рождественский). Подобная несоразмерность наблюдается и в отношении некоторых других традиционных праздников, прямо соответствующих православным.

Доныскъафан. Как и *Цытурс*, имеет фиксированную дату — 6 (19 н. ст.) января, т. е. совпадает с праздником Крещения Господня. Название (буквально 'быстрое ношение воды') связано с обычаем, в соответствии с которым младшие невестки или девушки ранним утром приносили воду из источника. Эта сакрально чистая вода использовалась для проведения особых обрядов, в частности, принесшие ее девушки окропляли ею свои дома, дворы и хозяйственные постройки — прямая аналогия с использованием крещенской воды в православной обрядности.

Однако на этом очевидные параллели между праздниками *Доныскъафан* и Крещения, пожалуй, исчерпываются. Вновь мы наблюдаем явное упрощение, когда народный календарь ограничивается наименованием обряда, не выражающего величия воспоминаемого Церковью события.

Куадзаен. Буквально 'разговение' — празднику, всегда приходящемуся на воскресенье, предшествовал длительный пост, который соблюдался чрезвычайно строго (что было далеко не просто в скудных горских условиях). Что касается даты празднования, то мы наблюдаем не полное временное соответствие церковному календарю, а, скорее, четко обозначенное тяготение к нему. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание сложные правила православной Пасхалии — вычисления даты Пасхи по лунно-солнечному календарю. Понятно, что ввиду отсутствия церковных и государственных институтов требовался более простой способ выбора даты, и он был выработан. Исчисление было теперь привязано к *Цытурс* (Рождеству), через неделю после которого отмечался *Ногбон*

или *Анзисар* 'Новый год'. Этот день имел еще одно название — *Басилтае*, то есть день памяти святого Василия Великого (как и Новый год, приходится на 1 января ст. ст.; название января *Басилти майа* 'месяц Василия' сохранилось в более архаичном дигорском диалекте). В зависимости от новолуния, через 5–7 недель после *Ногбон* начинался *Комахсаен*, или Заговение, а две недели спустя — *Комбаэттаен*,

семидневный пост, завершающийся *Куадзаен*, 'разговением', т. е. Пасхой. Погрешность определения даты *Куадзаен* (обязательно в воскресный день) по сравнению с церковной Пасхалией сравнительно невелика: в XX–XXI вв. временная вилка празднования

захватывает в первом случае период приблизительно с 21 апреля по 5 мая, во втором — с 4 апреля по 8 мая н. ст. Но главное, в народной системе исчисления также учитываются как солнечный, так и лунный циклы и ясно прослеживается приверженность византийской календарной традиции.

Принципиально важно, что *Куадзаен* — не обособленная дата, а кульминация четырехмесячного периода. Не вызывает сомнений, что это наследие православного календаря, а именно его важнейшего, пасхального, цикла.

Пасхальный цикл церковного календаря включает: трехнедельный подготовительный период к Великому посту; Великий пост (Святая Четыредесятница и Страстная седмица); Светлое Христово Воскресение и восьмидневный период от Пасхи до праздника Всех святых. Все четыре воскресных дня (по-славянски недели) подготовительного периода несут заключенную в их названиях смысловую нагрузку: Неделя о мытаре и фарисее, за которой следует сплошная седмица; Неделя о блудном сыне и мясопустная седмица со Вселенской родительской субботой; Неделя о Страшном суде и сырная седмица и, наконец, Неделя воспоминания об изгнании Адама из рая — Прощеное воскресенье, или Неделя сыропустная. Затем начинается первая седмица Великого поста.

Обратимся теперь для сравнения к традиционному осетинскому календарю.

Первая из двух недель *Комахсаен* называется *Фыдыкомбаэттаен* 'заговение на мясо' (ср. с русским «мясопуст»). В осетинской традиции, как и в традиции церковной, это последняя перед постом неделя, когда разрешается мясная пища. В субботу *Фыдыкомбаэттаен* происходило поминовение усопших. То же имеет место и в церковном календаре — мясопустная седмица завершается Вселенской родительской субботой, одним из основных поминальных дней церковного года.

Вторая неделя *Комахсаен*, непосредственно предшествовавшая началу поста, именуется *Урсы кзуыри* 'неделя белого', в связи с разрешением на молочные продукты. Наконец, с понедельника после *Урсы кзуыри* начинается *Комбаэттаен* — пост. Первые три дня *Комбаэттаен* именуется *Стыр Тутыртае*. Это дни мира и благоденствия, в течение которых действовал запрет на любое насилие, включая кровную месть. Обещания, даваемые в эти дни, имели особый вес и значение. Имя покровителя волков Тутыртае происходит от имени великомученика Феодора Тирона, память которого совершается в

Ногбон. Худ. М. Джикаев

субботу первой седмицы Великого поста. Здесь наблюдается очевидное соединение христианской (Прощеное воскресенье, образ и день памяти Феодора Тирона) и дохристианской (образ покровителя волков) традиций.

Как видим, в народном календаре подготовительный период сократился до двух недель. Их смысловая наполненность значительно упростилась, прекрасно сохранив, тем не менее, обрядность, связанную с переходом к посту через постепенно усиливающийся запрет на непостную пищу и увеселения. Но говорить о сохранении только обрядовой составляющей нельзя. Для примера достаточно привести *Тутыртае*: очевидный смысл этого трехдневного празднования, совершаемого в строжайшем посте и с любовью к ближнему, определяет изначальную сакральную направленность всего *Комбаэттаен*, идентичную смыслу Великого поста. Прямой церковной аналогией *Тутыртае* является традиция чтения в первые четыре дня Великого поста Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского.

Начало пахоты. Худ. М. Джикаев

На субботу второй недели *Комбаэттаен* приходит поминальный день — *Фыццаг лауызганен* 'первое приготовление блинов'. Следующее поминовение усопших происходит через неделю, в субботу третьей недели *Комбаэттаен*, — *Дыккаг / Фастаг лауызганен*, то есть Второе, или Последнее, приготовление блинов. Эти поминальные праздники соответствуют Родительским субботам второй и третьей недель Великого поста.

Празднование Хуцау дзуар. Худ. М. Туганов

На субботу и воскресенье шестой недели *Комбаэттаен* приходится *Зазхассан / Назуихист*, 'несение тиса' / 'ельные поминки'. Это поминальный праздник, перекликающийся с *Бадантаг*. В обрядности *Зазхассан* важным элементом является молодая елка, *наз*, или ветка тиса, *зас*, — вечнозеленые растения, наряду с которыми используется *алям* (по описанию В. Ф. Миллера, «нечто вроде креста или хоругви из скрепленных жердей, с нитями, на которые нанизываются пряники, фрукты, грецкие орехи и конфеты»).

В церковном календаре шестое воскресенье Великого поста отмечается как двенадцатый праздник — Вход Господень в Иерусалим (Неделя ваий, т. е. (пальмовых) ветвей). В русской традиции он получил название Вербного воскресенья, что свидетельствует об осмыслении этого дня как праздника весеннего пробуждения природы, победы жизни над смертью, символом которой становятся ветви распускающейся вербы. Что касается поминального характера *Зазхассан*, то он связан с отмечаемой накануне Лазаревой субботой, когда Церковь воспоминает воскрешение Иисусом Христом праведного Лазаря. Этим объясняется и необычное соединение поминального и непоминального дней — субботы и воскресенья. В знак победы жизни над смертью *алям*, символизирующий живоносное древо, втыкается на могиле усопшего.

Несмотря на упрощение и стирание богословского смысла праздника *Куадзан*, народная традиция сохранила (а в некоторых случаях вновь вобрала)

не только элементы православной обрядности, но и подчеркнутую связь с Христом, Который дарует верующим *Дзэнат*, 'Рай'.

Семинедельный период от Пасхи до Троицы дает нам еще целый ряд прямых календарных соответствий.

В первое воскресенье после *Куадзан* празднуется *Балдаран*. Происхождение названия непонятно, но время и подчеркнутая радость празднования полностью совпадают с Антипасхой. Считалось, что во время *Балдаран* происходило оплодотворение природы — древнейшее представление, широко распространенное среди христианских народов (ср., например, русское народное название Антипасхи — Красная горка, ассоциируемая с неперменным весельем, бракосочетаниями и обрядами встречи весны).

Спустя ровно сорок дней после *Куадзан* празднуется *Зардаваран* 'обещание' — прямое календарное соответствие двенадцатому празднику Вознесения, приходящемуся на сороковой день после Пасхи. Именно божественное обетование (*зардаваран*) о ниспослании Святого Духа, услышанное апостолами при Вознесении Иисуса Христа, а также о Его втором пришествии, за которым последует воскрешение мертвых и Страшный суд, отражены в осетинском названии праздника.

Наконец, через десять дней после *Зардаваран* и через пятьдесят дней после *Куадзан* отмечается *Кæрдæгхæссан* (буквально 'несение травы'). Это в точности соответствует календарной дате дня Святой Троицы, или Пятидесятницы, — десять дней после Вознесения и пятьдесят дней после Пасхи. Осетинское название связано с православным обычаем принесения в храм свежескошенной травы. В свою очередь, в церковную практику этот обычай, в переосмысленном виде, вошел как наследие древнейших представлений о живоносном плодородии пробудившейся и расцветшей природы.

Дзуарылаг. Каккадур, дзуар Бурусы Уастырджы. Худ. М. Джикаев

Обозрение периода от *Кохасан* до *Кæрдæгхæссан* указывает не просто на соответствие праздничных дат православному календарю. Перед нами упрощенный пасхальный цикл, с сохранением четкой структуры, являющей прямую преемственную связь со средневековым аланским церковным календарем.

Именно народное упрощение лежит в основе названий праздников — *Цыттурс*, *Доныскъафан*, *Зазхассан*, *Куадзан*, *Кæрдæгхæссан* (ср. в русской традиции: Вход Господень в Иерусалим — Вербное воскресенье, Антипасха — Красная горка, Преображение Господне — Яблочный Спас и др.). Это свидетельствует о глубокой укорененности христианства, принятии его как «своей», исконной религии.

С другой стороны, наряду с альтернативным названием, которое обычно связано с определенной обрядностью, традиционное общество наполняет церковные праздники древними дохристианскими представлениями. Они могут быть либо адаптированы церковной традицией, либо отвергнуты ею (характерные примеры в русской культуре — это, соответственно, Масленица и Иванов день (Иван Купала)).

Ослабление влияния Церкви приводит к усилению древних, дохристианских представлений, что проявляется, в первую очередь, через обряд. Впрочем, даже в церковной общине народное осмысление того или иного праздника зачастую выводит на первое место именно обрядность; в околоцерковной среде такая закономерность прослеживается гораздо сильнее — достаточно вспомнить массовое посещение храмов на Пасху или на Крещение. Кто не замечал множество людей, едва ли не целую ночь терпеливо стоящих во дворе храма во время пасхального богослужения в ожидании освящения приготовленных ими куличей и покрашенных яиц?

Прекращение литургической жизни и пастырского окормления внутри лишившегося государственности аланского общества привело к закономерному угасанию христианской ортодоксии. Но благодаря укорененности Православия оно не было отринуту или забыто. Несмотря на неизбежные упрощения, христианство сохранилось в традиционной религиозной культуре. Народный календарь зафиксировал и отразил динамику этого закономерного процесса.

Вместе с тем следует указать на важнейший факт: образ Иисуса Христа не только в пасхальном цикле,

но и во всей осетинской народной культуре присутствует, в лучшем случае, эпизодически. Однако есть данные, которые позволяют говорить об изначальной *исключительности* образа *Чырысти*, Христа. Вот, к примеру, фрагмент традиционной пасхальной молитвы, опубликованной еще полтора века назад знатоком осетинской культуры Б. Т. Гатиевым: «О Чырысти! Молим тебя, призри из своего Дзэнета и пожалей нас: говорят, что ты в необманчивом мире раздаешь места душам тех людей, кои в здешнем соблюдали ради тебя пост... О Барастыр! Слышали мы, что ты начальник мертвых... Моли Чырысти, дабы он даровал нашим предкам в раю хорошие места и тем из нас, которые перейдут в неложный мир».

Как ни странно, но именно минимальное присутствие образа Христа в осетинском традиционном календаре является важным доводом в пользу глубокой укорененности Православия в средневековом аланском обществе. Дело в том, что богословие образа Иисуса Христа очень сложно и не имеет аналогий даже в весьма развитых дохристианских представлениях алан-осетин. Именно это и привело к закономерной минимизации Его присутствия. Обратим внимание, что народное сознание не пошло по простому пути упрощения, а значит профанации образа Спасителя. Произошедшее выведение образа *Иесо Чырысти*, Иисуса Христа, за рамки возможных изменений свидетельствует о символическом анабиозе этого святого образа. Для возрождения Его подлинного почитания

требовались определенные условия, и когда они появились, в связи с распространением влияния Российской империи на Северном Кавказе, именно Осетия-Алания стала наиболее активно интегрироваться в христианскую цивилизацию. Это было своеобразное возвращение народа, имевшего в прошлом собственную церковно-государственную традицию.

Подведем итог. Даже самое сжатое сравнение традиционного осетинского и православного церковного календарей свидетельствует не просто об их сходстве. Дошедший до нас народный календарь является упрощенной формой средневекового аланского церковно-государственного календаря, вобравшей в себя элементы древней традиции. Сохранившиеся данные позволяют воссоздать некоторые фрагменты некогда развитой христианской календарной культуры, которая являлась неотъемлемой частью православного предания средневековых алан.

Доставка пива для кувда к святылищу. Худ. М. Туганов

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ИНТЕРЕСНЫ САМИ ЛЮДИ...

Вадим Каджаев, член Союза художников России

Историческая тема — материал сам по себе интересный, поэтому очень часто художники разных времен обращались к прошлому, отображая в своем творчестве давно минувшие события. История дает богатую пищу для размышлений, так что в этом отношении я не новатор. Мы, художники, счастливые люди — у нас есть возможность передать свое видение той или иной эпохи, выразить свое к ней отношение, через историю прикоснуться к далеким предкам и попытаться показать образы людей прошлого. Возможно, мои работы на историческую тему не всегда соответствуют достоверным фактам, а детали костюма грешат против этнографической точности, — мне в первую очередь интересны сами люди. Для меня важно показать атмосферу ушедших времен, я пытаюсь найти связующую нить. Мне интересно показать известные сюжеты не с точки зрения реально существовавших норм осетинского агъдау, как это было сделано нашим замечательным художником М. С. Тугановым, а с точки зрения человеческих страстей. Показать через чувства, через отношение человека к человеку...

У нас очень талантливый народ. Танцы, музыка, театр, живопись, скульптура, литература — он везде преуспел! И сегодня есть плеяда замечательных художников, на которых можно и нужно равняться. А в скором времени и подрастающее поколение встанет в эти славные ряды.

Триптих о простых вещах: о преемственности поколений, о связи судеб внутри семьи, внутри народа. Я убежден, что народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего. Чтобы сохранить себя, собственную идентичность в современных условиях, необходимо любить свой народ, свою культуру, наследие предков. За нашей спиной — многие поколения людей, благодаря которым мы, со своими взглядами на жизнь, со своими особенностями мировосприятия, сейчас существуем на земле. Это касается любого народа.

«Собачья скала» и «Изгнание» — это трагедия человека! Тут нет правых и виноватых. Зрителю предоставляется возможность быть сопричастным к тому, что происходит, он может выступить в своих переживаниях на стороне и того, кого судят, и тех, кто судит. И эта недосказанность — обдуманый ход с моей стороны.

«Воля предков» — сюжет достаточно понятный для каждого жителя Кавказа. На полотне запечатлен кульминационный момент: только что могла пролиться кровь, и женская фигура на фоне призраков предков — причина, по которой трагедии не произошло. Два формальных приема: статика и динамика. Умышленная относительная симметрия построения картины. Здесь также нет правых и неправых. Хотелось показать, что все это действие — ненужный кровавый театр с трагическими последствиями. Призраки выступают символом и ключом предотвращения трагедии. Однако это смыслы, вложенные мной, а зритель волен прочитывать картину по-своему.

Фатима Дзугоева СОЛЬ ЗЕМЛИ

Когда-то рядом с нами, по соседству, жила семья. Обыкновенная крестьянская семья, жившая повседневными сельскими хлопотами. Для односельчан она особого интереса не представляла, так как не соответствовала общепринятым критериям успешности, определявшимся понятием цаæраг хæдзар. Родители в этой семье не отличались предприимчивостью, а дети не имели особых талантов и способностей. Они жили очень просто, не претендуя на престиж и авторитет среди односельчан, и были примечательны разве что тем, что в семье росли семеро детей — пять братьев и две сестры. Мои первые друзья детства...

Отец семейства был высокий, плотный немногословный мужчина, с гладко причесанными русыми волосами, с красноватым лицом, обветренным и обгоревшим на солнце. У него были огромные натруженные руки, и его облик полностью соответствовал описанию наших предков в старинных источниках. Довершали его образ голубые глаза и рыжие усы. Отличаясь большой физической силой, он мог без труда выдернуть саженец с корнями. Помню, что сосед и его семья всегда были рядом с нами, когда мы нуждались в поддержке. Он первым приходил на помощь отцу во всех трудоемких сельскохозяйственных работах, а также был неизменным его спутником в походах в лес или на большую рыбалку на реку Урух.

Мать семейства, в противоположность мужу, была женщина смуглая, но тоже высокого роста. Черные волосы, собранные в большой пучок, она прятала под платок, которым плотно повязывала голову. Разговаривала она всегда с большой охотой и удовольствием, в красках описывая последние события сельской жизни. Особую прелесть ее рассказам придавал протяжный говор, нехарактерный для нашего села, но присущий соседней станице, откуда она была родом. Вообще, в семье еще разговаривали на том осетинском языке, который не подвергся влиянию советского образования. Удивительно, но матери семерых детей всегда хватало сил и терпения привечать еще и соседских.

А дети в семье были самого разного возраста. Два старших сына учились в последних классах школы. После них шел еще один сын — он был уже подростком, однако в школе ему так и

не довелось учиться, так как он всегда пребывал в одной и той же счастливой младенческой поре. За ним следовали две девочки с разницей в возрасте в три года — мои закадычные подружки. Самыми младшими были мальчишки-погодки — совсем несмышленные, они с визгом и гиканьем носились нагишом по двору.

Родители принимали своих чад такими, какими они были, и не требовали от них того, чего не удалось достичь им самим. Им было непросто растить своих детей — кормить, обувать, одевать. Но помогало безропотное, а, может быть, даже беспечное отношение к той нелегкой жизни, которой они жили.

Семья жила в старом покосившемся доме, когда-то принадлежавшем брату моего прадеда, а до него еще кому-то, построенном, по всей вероятности, еще первыми поселенцами. Это был побеленный саманный дом с крашенным в зеленый цвет высоким деревянным крыльцом. Широкие ступени гулко гремели, когда по ним стучали детские ножки, а старый виноград, обвивавший крыльцо, напоминал заросли в джунглях. Многочисленная семья ютилась в двух маленьких комнатках. В одной стояли две старые кровати, стол и печь, обогревавшая всех зимой, — на ней же готовили пищу. Столь же скудно была обставлена и вторая комната. А вот третья — уат — всегда была заперта. Туда заходили редко, только по особой надобности, и там же хранились припасы хозяйки дома. Меня в эту комнату заводили дочки хозяев — показать, какой у них красивый уат. Комната на самом деле впечатляла. За пределами дома всю хозяйничали восьмидесятые, а обстановка и интерьер этого помещения соответствовали, наверное, довоенным годам. Казалось, время здесь остановилось навсегда. На стене висели фотографии предков, на старинной кровати одна поверх другой лежали высоко взбитые подушки, накрытые прозрачной ажурной накидкой, сервант украшала посуда, которая ни у нас, ни у других соседей в быту уже не использовалась. На столе стоял глиняный кувшин. Даже запах в комнате был из другого времени — так пахнет в заброшенных жилищах горных селений.

Во время долгих летних каникул мы, дети с нашей улицы, развлекали себя как могли. Мы еще успели поиграть в детские игры наших бабушек и дедушек — дыччтыгæ, æхсавычъеуа, къори, ехс æмæ цъил. Играли и в обычные, «советские» игры — «классики», «охотники и утки», «резинку». Но больше всего нам нравилось играть в больницу. Старшая дочь наших соседей всегда была доктором, а остальные дети — пациентами. «Доктор» мерила нам температуру карандашом и ставила «горчичники» из листьев подорожника. Внешне она больше походила на отца, чем на мать, — светлоглазая и русоволосая, с россыпью веснушек на лице. А ее третий брат всегда с интересом наблюдал за нашими играми, но никогда не принимал в них участия. Ему, воспринимавшему окружающий мир на уровне пяти-шестилетнего ребенка, были совершенно чужды капризы, злоба, раздражительность. Высокий рост позволял ему без труда доставать до спелых гроздьев винограда, которые он охотно срывал для малышек. Радостно и самозабвенно он катал нас на своей худой спине. Завидев меня, он каждый раз предлагал: «Фатик, Мæскуымае дæ аласон?» («Фатик, отвезти тебя в Москву?»). Я, конечно, соглашалась, карабкалась ему на спину и ухватывалась за его шею, и он мчал меня вниз по нашей улице «в Москву»...

Детвору с нашей улицы всегда тянуло в дом соседей. Там царил детство во всей полноте безмятежности и беззаботности, детство, не тронутое казенной идеологией и педагогикой советского детского сада. Жизнь здесь кипела и бурлила через край. Здесь не было вычурности, наигранности, неестественности, здесь все было просто и понятно.

Вот и мой двоюродный брат, приезжая с отцом из города, тут же куда-то пропадал на целый день. К вечеру мама говорила мне: «Ацу æмæ йæ ссар» («Иди и найди его»). Но я-то знала, что он убежал к нашим многодетным соседям! Как-то вечером я пошла за братом. Хозяев дома не оказалось, они были в отъезде, а в такие моменты ответственность за дом и младших домочадцев ложилась на плечи самого старшего сына, в ту пору старшеклассника. Он со всей серьезностью подходил к этому важному делу. В тот вечер я застала его за необычным занятием — он стоял у старого стола, взмыленный, с взъерошенным чубом отросших светлых волос, ►►

весь обсыпанный мукой, и придерживал на столе стопку из круглых хлебных лепешек, которые сам же и выпекал. А мой брат, несмотря на духоту, сидел на старой скрипучей кровати в куртке и в темно-синей шапке-буденовке с красной звездой, с восторгом и почтением глядя на «пекаря» и на свежий хлеб мужской выпечки.

Второй сын в этой семье был таким же немногословным, как и его отец. Летом он часто приносил мне из пруда рыбок-мальков, которые потом жили у меня в стеклянной банке с водой. Другим моим сокровищем были морские ракушки. Ракушек было немного, и мне очень хотелось, чтобы их стало больше. Я была убеждена, что они водятся в нашем пруду и сосед непременно должен мне их поймать, поэтому ходила за ним по пятам и просила его об этом. Он растерянно смотрел на меня и не знал, как же объяснить мне, ребенку, что в нашем пруду нет ракушек. Я отказывалась это понимать, и тогда мой сосед все-таки нашел выход. Собрав мои ракушки в свои большие загорелые ладони, он с доброй улыбкой на смуглом лице начинал их трясти, после чего высыпал все на траву, уверяя, что из старых ракушек родились новые. Он знал, что считать я не умею и проверить их количество не смогу, а я ему, конечно, верила. Тогда он казался мне добрым волшебником из сказки, и я очень радовалась, что благодаря его волшебству ракушек становится больше.

Летом из города приезжали мои двоюродные и троюродные братья, и все дети с нашей улицы ходили купаться к самой широкой канаве, протекавшей по окраине села. Старшие сыновья наших соседей строили там запруду, и мы купались до вечера. Очень часто нас прогонял чабан, пасший возле воды сельский скот. Верхом на коне, размахивая огромной пастушьей палкой и что-то выкрикивая, он несся прямо на нас. Вид у всадника всегда был очень грозный, поэтому мы без промедления хватали одежду и врассыпную бежали по полю в сторону нашей улицы. Больше всех доставалось двум старшим сыновьям наших соседей — чабан непременно догонял кого-то из них, долго кружил вокруг на коне и с яростью замахивался своей палкой, правда, никого из них так никогда и не ударил. Наконец, устав от собственной бесконечной ругани и махнув рукой, он возвращался к стаду. Я обижалась на чабана, считая, что он присваивает себе общую канаву, и только взрослой поняла, какую ответственность мы на него возлагали. Мало того, что он пас скот, ему приходилось еще и присматривать за нами. Канавы были глубокой, с очень высокими берегами, а запруда делала ее еще глубже. Конечно, чабан боялся, что кто-то из детей утонет, вот он и разгонял нас палкой, в тщетной надежде на то, что мы уже не вернемся. После таких приключений мы возвращались домой с обгоревшими на солнце лицами, голодные, но счастливые. А вечером той же дружной компанией выходили в поле, разводили костер, пекли в золе картошку, уплетали ее за обе щеки, смотрели в бескрайнее ночное небо да считали звезды...

Время шло. Мы росли, и дети наших соседей тоже росли, и в старом доме им стало совсем тесно. В один прекрасный день они переселились в дом на другой улице, где для них было больше места. Мне сразу стало тоскливо, и очень хотелось плакать. Я смотрела на старый дом и не узнавала его. Он стал безликим и унылым. Оттуда уже не доносились жизнеутверждающие звуки детства, уже не гремели зазывно ступени его крыльца, а виноград не радовал своей дикостью. Дом стал беспомощным и жалким, устрашающе пустым и чужим. Из него ушла жизнь.

Теперь они жили через три улицы от нас, недалеко от школы. Но и несколько лет спустя, уже ученицей младших классов, я после уроков стремглав бежала к нашим бывшим соседям. А они всегда были мне рады и угощали, чем могли: хлебом домашней выпечки, вареной картошкой, яблоками, соленьями, а еще рыбой, которую жарили на сковородке невероятных размеров. До чего же вкусно у них было есть! В огороде у них росло персиковое дерево с очень сочными, рано созревшими плодами. Осенью мы с одноклассницами между уроками бегали к ним полакомиться персиками, и повадившихся сюда детей всегда ждало радушно угощение.

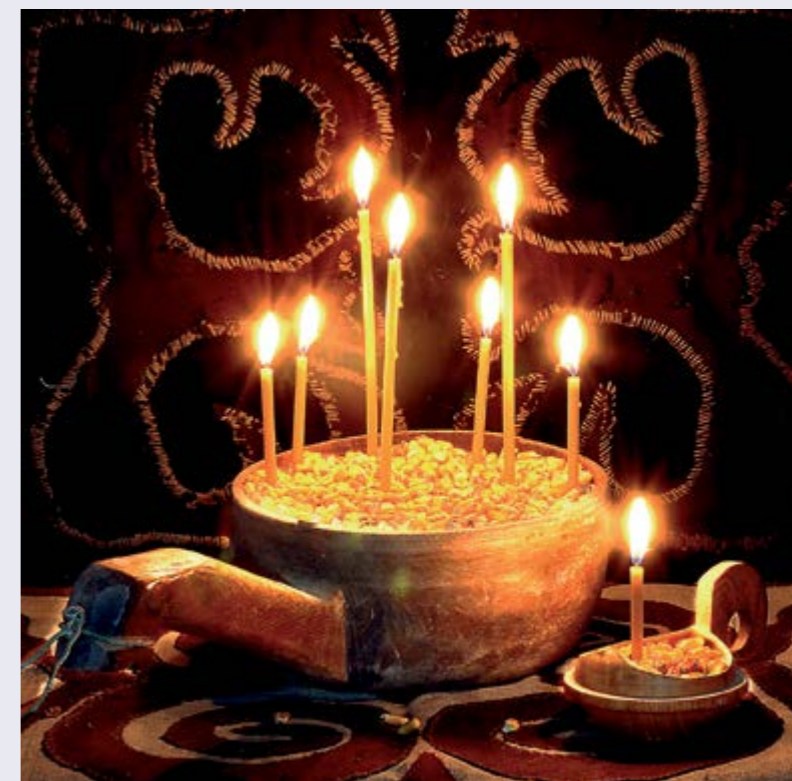
С тех пор прошло много времени. Мы давно повзрослели. Я до сих пор сохраняю добрые отношения с героями моего повествования, вот только наша улица после их переезда уже никогда не была прежней. Да и село с тех пор изменилось до неузнаваемости, потому что ушли и продолжают уходить те, кто своим присутствием преображал это место, делая его неповторимым. Таким был друг моего отца — наш сосед, вырастивший семерых детей. Крестьянин, простой и очень скромный человек, никогда не стремившийся к тому, чтобы быть на виду, он являлся живым подтверждением народной истины «Магуыраёй — уæздан». Он ушел из жизни как-то неожиданно, стремительно. Рождение и смерть таких, как он, для большинства живущих проходят незаметно. Вот только с его уходом я опять остро почувствовала очередную брешь в живой броне — из людей, связанных между собой общей памятью, общими предками, общей землей. Именно эти люди, совершая свой земной путь, прикрывают нас собой от беспощадного западного ветра, смердящего беспометством, рассеянием и растлением.

...Я не смогла приехать в село на его похороны. Я вырвалась туда только после Нового года, на поминальный праздник Баданта. Вечером люди посещали тех, кто за прошедший год потерял близких. В домах усопших накрывались столы для поминальной трапезы, а живые приходили и зажигали свечи в память о тех, кто уже завершил свой земной путь. Мы с мамой пошли помянуть папиного друга к нашим бывшим соседям. У ворот стояли родственники, односельчане. В доме был накрыт поминальный стол, вокруг которого суетились женщины — æфсинтæ. Поминальные цырагътæ, увешанные нитями конфет, орехов и изюма, еще хранили тепло рук тех, кто готовил их к этому дню с верой и надеждой на упокое души усопшего. Горели свечи в прозрачном сосуде с желтеющей кукурузой, служившем, как в старину, подсвечником. Я подошла и зажгла свою свечу, произнесла главную заупокойную осетинскую молитву: «Рухсаг у!» У противоположной стены, на кровати, накрытой белым покрывалом, была разложена одежда усопшего. Я стояла в полумраке, свечи горели ярко, словно в храме, и поминальные столы с жертвенными яствами напоминали стол у Распятия, на который прихожане кладут пищу — как милостыню нуждающимся и в память об усопших. Сокровенная осетинская молитва «Рухсаг у», произносимая всеми со свечой в руке, в этот вечер и в этом доме звучала как молебен в храме за упокой души того, кто перешел в мир иной.

Нас с мамой пригласили на поминальную трапезу, в которой участвовали только женщины. После того как кто-то из мужчин молитвой освятил стол, каждая из нас, соблюдая традицию старшинства, с чашей в руке помянула усопшего, после чего на некоторое время в комнате воцарилось молчание. Затем с разрешения старшей женщины все сдержанно начали угощать друг друга поминальными яствами. Все присутствующие были мне знакомы с детства. Я сидела среди них, слушая их пока что немногословные беседы, и мне на миг показалось, что я опять маленькая девочка. Вспомнилось, как много лет назад предшественницы этих женщин точно так же готовились к празднику Баданта в память о моей усопшей прабабушке. Они также нанизывали на нитки конфеты, изюм и другие сладости. Никого из тех, о ком я вспомнила в тот миг, в живых уже нет, — им на смену пришли наши мамы, тети, бабушки...

Вдруг чья-то вскользь оброненная шуточная фраза потянула за собой шлейф разнообразных историй. Речь женщин потрясала остротами и изобиловала архаизмами. Говорить так образно, шутить так хлестко и наотмашь друга про друга, причем без всяких взаимных обид, могут, только женщины, умудренные опытом сельских будней и невзгод. Женщины, хранящие наше прошлое и настоящее в подлинных праздничных и поминальных традициях, а не на страницах заумных книг и не в унылых газетных статьях о «духовности». Я смотрела на них, слушала и думала о том, что вряд ли бы мне довелось пережить эти удивительные минуты и светлой радости, и светлой печали, если бы не скромный человек, отец семерых детей, собравший всех нас в тот вечер в своем доме. И вряд ли этот самый человек при жизни допустил бы мысль о том, что кто-то когда-нибудь напишет о нем хоть строчку...

Рухсаг у, Æмбал!

Лаура Мамиева

К. С. ЛЬЮИС. СКАЗКА

В современном мире, где успешно и довольно прибыльно продается товар под названием фэнтези, общей волной потребления захватывает и замечательную сказку К. С. Льюиса о волшебной стране Нарнии. Но не спешите отмахнуться — мол, «детская книга», и перелистнуть страницы журнала. Вспомните: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). В своих «Хрониках Нарнии» Льюис, выбрав нелегкий жанр сказки, делится радостью, его «настигнувшей», удивительно точно, трепетно и деликатно.

Сказка, обращаясь к сущности человека и оперируя глубинными смыслами, понятными всему человечеству, рождает ощущение волшебства жизни. Сам Льюис говорил: «Сказка будит в ребенке тягу к чему-то смутному и недостижимому, а к чему — он и сам не знает. Потому-то сказка и волнует. Реальный мир в глазах ребенка не тускнеет и не делается скучным, наоборот, у него появляется глубина. Сказка обогащает его. Прочитав о заколдованных лесах, ребенок не будет презирать настоящие; для него каждый лес станет чуть-чуть заколдованным». А взрослому читателю не все ли равно, какого жанра хорошая книга?

«Хроники Нарнии» — не христианская сказка. Это сказка, написанная настоящим христианином и, по совместительству, замечательным писателем. Бескрайняя полнота христианства просто не может не вливаться в вымышленный мир Льюиса. Задумывая свое произведение, он не ставил перед собой цель объяснить христианскую догматику на простом, «детском» языке. Как часто писал Льюис (а он ответил на каждое полученное им письмо), все началось с образов: фавн под зонтом и с пакетами, фонарь посреди леса... Но может ли христианин-творец, будь он художник, писатель или режиссер, не приходиться в своих произведениях к единственно важному в жизни человека — к Истине?

Однако я вовсе не пытаюсь «представить» реальную (христианскую) историю в символах. Я, скорее, говорю: «Вообразите, что существует мир, подобный Нарнии, и что Сын Божий (или Императора Страны за-морем) приходит его искупить, как пришел искупить наш. Что бы получилось?»

Чудесное путешествие в Нарнию состоит из семи книг, каждая из которых, несомненно, — целостное и ценное произведение. «Племянник чародея» — книга о сотворении Нарнии, о зле, проникающем в новый мир посредством человека, о добре и послушании. «Лев, колдунья и платяной шкаф» — история искупления, освобождения из камня (и сущим во гробех живот даровав). «Принц Каспиан» — рассказ о вере не видевших, но уверовавших. «Покоритель зари» — об искушении мира. «Серебряное кресло» — о важности следования заповедям. «Последняя битва» — конец мира Нарнии.

Множество героев — жителей Нарнии и призванных в нее, каждый из которых совершает свой личностный подвиг, слагают причудливую и в то же время простую историю волшебного мира. Люси — главная обладательница непосредственной детской веры. Эдмунд — совершивший страшное предательство и принесящий великое раскаяние. Сьюзен — забывшая Нарнию. Питер — несущий ответственность. Юстес — преодолевший себя. Каспиан — принимающий помощь. Риппичип — рыцарь непоколебимой веры и мужества. Хмур — пострадавший за веру. Эмет — чистый сердцем. Тириан — «последний король Нарнии, что стоял твердо в самый черный час».

Особняком стоит Шаста — казалось бы, не самый интересный персонаж книги «Конь и его мальчик», выпадающей из общего ряда Нарнийских хроник. Сюжет не потрясает великими битвами или важными для Нарнии событиями, а время повествования вклинивается в центр «золотого» правления братьев и сестер Пэвэнси. Однако, если дать себе труд приглядеться, то в полный рост перед нами встает главный герой — Человек. Именно в этой книге, как ни в какой другой, открывается Аслан, и происходит это не громогласно, но удивительно спокойно и значимо для каждого персонажа в отдельности. «Конь и его мальчик» — это тихий рассказ Льюиса о взаимоотношениях Бога и человека.

Шаста, начиная свой земной путь сыном и наследником короля Орландии, оказывается приемным сыном, а по сути — рабом бедного рыбака в далеком «темном» Тархистане к югу от Нарнии, в стране, почитающей страшную и жестокую богиню Таш. В незамысловатой истории о том, как герой попадает в рабство, Льюису удается зашифровать множество библейских мотивов и сюжетов: младенец в лодке, прибитой к берегу (Моисей), разжалованный за проступок лорд-канцлер (Денница), желающий навредить королю (Богу) и похищающий наследника (сбивающий с пути Адама), которому уготовано спасти Орландию (бегство в Египет). В этих сюжетах и складывается образ главного героя — Человека, в котором соединились Адам — первый человек, Моисей — пророк, которому Бог открыл Свое имя, и Богочеловек Христос. Причем делается это исключительно деликатно и тонко — так, что читатель-христианин скорее ощущает, чем осознает этот шифр.

Не желая попадать в еще большее рабство — к жестокому знатному тархину, Шаства начинает свой путь к свободе — в Нарнию, с помощью нарнийского, а стало быть, говорящего коня. Конь, украденный тархистанцами еще жеребенком, помнит о Нарнии и былой свободе. Он хоть и вынужден скрывать свою способность говорить, но втайне лелеет свое превосходство над немymi тархистанскими лошадьми. Так просто Льюису удается раскрыть глубокий богословский смысл греха гордыни. Конь, чьи обусловленные гордыней поступки и суждения воспринимаются в ходе повествования скорее как милые шалости, в итоге испытывает страшное падение. И это не проявленная в решающий момент слабость, но навязанное расцветшей гордыней решение свернуть с пути к свободе и пойти назад, в рабство.

— Я потерял все.

— *Добрый мой конь, — сказал отшельник, — ты не потерял ничего, кроме гордыни. Не трясги гривой. Если ты действительно казнишься, выслушай меня. Когда ты жил среди бедных немых коней, ты много о себе возомнил. Конечно, ты был храбрее и умнее их — это нетрудно. Но в Нарнии немало таких, как ты. Помни, что ты — один из многих, и ты станешь одним из лучших.*

Как противопоставление большой гордыне в книге присутствует и великое смирение. И смиренную кобылу Уинни Аслан встречает словами: «Я знал, что тебя мне ждать недолго. Радуйся!» Не это ли приветствие мы все надеемся услышать в свое время?

Аравита и отшельник, два интересных, не принадлежащих «христианской цивилизации» персонажа, идут различными путями, и Аслан открывается каждому из них в его меру. Отшельник достиг многого на пути аскезы, он добр и мудр, но, не ведая Истины, способен только предчувствовать ее. Он видит (в волшебном пруду), но не слышит. Вновь простой сюжет и глубокий смысл — без Откровения, как бы близко к Истине ни подходил человек, ее можно лишь предчувствовать.

— Спи, сколько хочешь, дочь моя, — сказал отшельник. — Я промыл и смазал бальзамом твои раны. Они не глубже ударов бича. Какой удивительный лев! Не стянул тебя с седла, не вонзил в тебя зубы, только поцарапал. Десять полосок... Больно, но не опасно.

— Мне повезло, — сказала Аравита.

— Дочь моя, — сказал отшельник, — я прожил сто девять зим и ни разу не видел, чтобы кому-нибудь повезло. Везенья нет, есть что-то иное. Я не знаю, что, но, если будет надо, мне откроется и это.

Аравита, будучи знатной тархиной, в свою очередь получает урок равенства. Чувство собственного превосходства над другими у нее в крови. Но через кровь приходит и исцеление — боль от десяти ран, оставленных Львом на спине Аравиты, равна боли от десяти ударов, оставленных бичом на спине пострадавшей по ее вине рабыни.

Шаства, рожденный в славе наследник престола, лишается ее не по своей вине (первородный грех) и возвращает путем собственных усилий. Помощь Аслана он не осознает и чаще всего принимает за некие злоключения.

— *Это я заставил тебя ехать вместе с Аравитой. Это я согрел и охранял тебя среди усыпальниц. Это я — уже львом, а не котом — отогнал от тебя шакалов. Это я придал лошадям новые силы в самом конце пути, чтобы ты успел предупредить короля Лума. Это я, хотя ты того и не помнишь, пригнал своим дыханием к берегу лодку, в которой лежал умирающий ребенок.*

Замечательным образом открывается Шастве Аслан — Льюису вновь удалось соединить откровение Моисею (имя Божие, открывшееся на Синае) и Евангелие (триединство Божие, раскрывающееся в трех разных интонациях).

— Кто ты такой? — спросил Шаства.

— Я — это я, — сказал голос так, что задрожали камни. — Я — это я, — громко и ясно повторил он. — Я — это я, — прошептал он едва слышно, словно слова эти прошелестели в листве.

Шаства уже не боялся, что кто-то его съест, и не боялся, что кто-то — мертвый. Но он боялся — и радовался.

Пришедший на смену страху радостный трепет, который в этот момент богообщения испытывает Шаства, умножается возможностью его чистого сердца увидеть и милостью Аслана — показать. Для бедного мальчика, не слышавшего даже «тархистанских толков о демоне, который ходит по Нарнии в облиции льва», и тем более «правды об Аслане, Царе царей», становится самым правильным и единственно возможным желанием поклониться Ему. Без слов, которых не нужно.

Путь Шаствы — рождение, рабство, желание свободы, необходимость подвига и его смиренное совершение, отказ от гордыни, «жизнь за други своя», восхождение сквозь туман к своей вершине — встрече с Богом.

ТУАЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО (ТУАЛГОМ)

с. Нар. Конец XIX – начало XX века

Коста Хетагуров

с. Нар. Нары Уастырджи

Зругское ущелье

с. Тапанкау, Тербаты Уастырджи

с. Кесатыкау, Церковь св. Георгия

с. Лисри. Конец XIX – начало XX века

с. Тиб. Конец XIX – начало XX века

с. Тли. Церковь, XI век

с. Кесатыкау. Замок Эба Кесаева

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

с. Абайтыкау. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Начало XX века

с. Абайтыкау. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Начало XXI века

с. Хозитыкау. Зруджы Мады Майрсем. Начало XX века

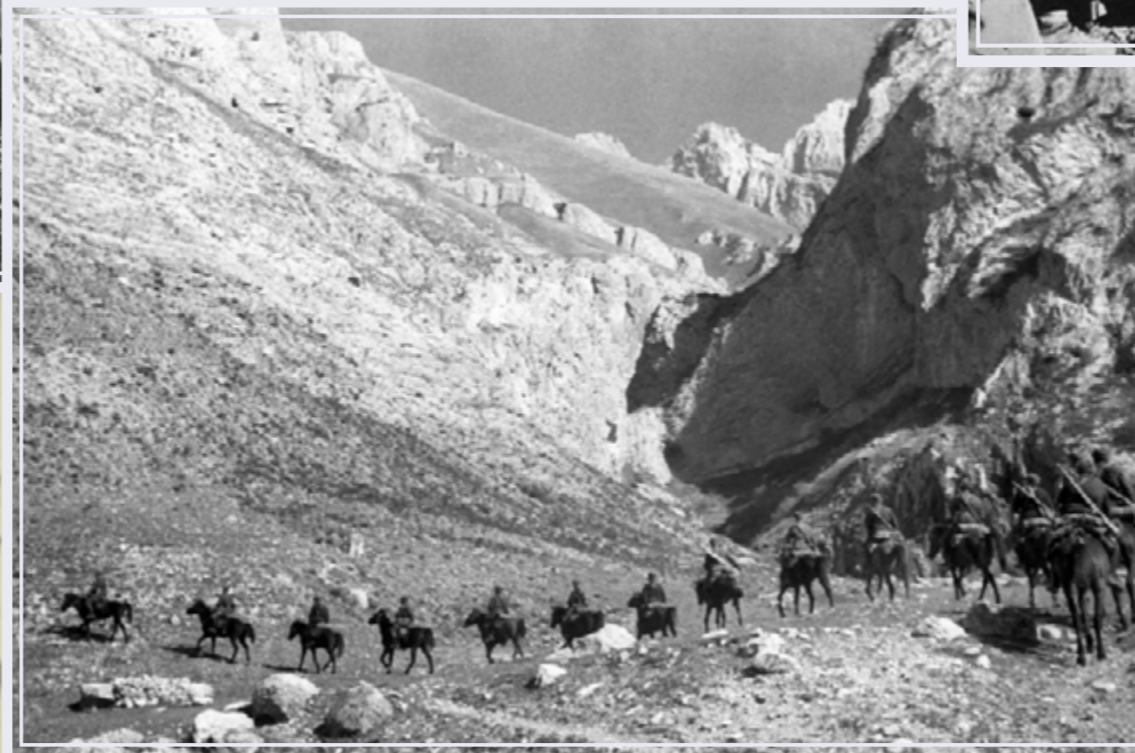

с. Хозитыкау. Зруджы Мады Майрсем. Начало XXI века

70 лет Победы

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА ТЕРРИТОРИИ ОСЕТИИ

В 1941-1945 гг. из Осетии ушли на фронт около 120 тысяч человек,
половина из них не вернулись домой...

**Время нашей земной жизни
бесценно: в это время мы решаем
нашу вечную участь.**

Святитель Игнатий (Брянчанинов)